

XXXVI г.

№ 30

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 40 книг „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова, 12 книг Литературных и популярно-научных приложений, 12 36 № „Парижских модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроек.

Выданъ 30-го июля 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

г. XXXVI

1905

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ кн. 37.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1905 г.

Первая 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

Съ приложениемъ **40 книгъ** „Сборника Нивы“, содержащихъ:

и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

А. К. Шеллера-Михайлова.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ
МОСКВУ въ конторѣ
и П. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія диллн.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ
ОДЕССУ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Рашевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во все мѣстности
России. . . .

8 р.

За
гра-
ницу. 12 р

Головка. Картина Е. А. Вахтеръ, авт. «Нивы».

Волченокъ.

Повесть

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

Онъ говорилъ все это, искусственно воодушевляясь. Очевидно, онъ сотни разъ, сотнямъ больныхъ говорилъ о солдатахъ и резервахъ, и находилъ это очень остроумнымъ. Андрей Ивановичъ жадно его слушалъ, не замѣчая дѣланности и фальши его рѣчи.

— Такъ вы сами не забдете?

— Отчего же? Если явится надобность—я готовъ даже ночью прѣхать къ вамъ. Умъ хорошо, два лучше. Но, быть-можетъ, все обойдется благополучно. Человѣческое тѣло — загадка. Лучше всего предоставлять самой натурѣ за-лѣчить болѣзнь и только стараться способствовать ей. Ничего въ модѣ говорить, что медицина не стоитъ мѣднаго гроша, что ей не надо вѣрить, что латинская кухня—вздоръ. Последнее вѣрно: все лѣкарства—вздоръ. Но весь секретъ въ талантѣ врача.—и, конечно, не въ его знаніяхъ. Угадать, чтѣ въ данный моментъ нужно больному и какъ подѣйствовать на его внутренній міръ—въ этомъ весь секретъ...

— А когда больной безъ памяти?—спросила Жозя, внимательно его слушающая.

— Тогда надо заботиться о бодрости духа окружающихъ,—замѣтилъ онъ и, вставая, прибавилъ:

— Вотъ вамъ, профессоръ, я бы посоветовалъ за столомъ сегодня выпить полбутылки шампанскаго. Это на васъ хорошо подѣйствуетъ.

— А вы не забдете сегодня?—простительно сказалъ Андрей Ивановичъ.

Глаза отца и доктора встретились.

— Хорошо, я буду,—сказалъ онъ и крѣпко пожалъ ему руку.

Въ залѣ, прощаясь съ Жозефиной Федоровной, Буровъ сказалъ, задерживая ее руку въ своей рукѣ:

— Отчего меня никогда съ вами не знакомилъ вашъ мужъ? Неужели онъ такъ ревнивъ?

— Съ чего это вы, профессоръ!—засмѣялась она.— Петръ Ивановичъ неспособенъ ни на какую ревность, вѣдь онъ человѣкъ порядочный.

— Охъ, какая вы,—засмѣялся онъ, и прибавилъ:—вечеромъ увидимся. Пошлите за сидѣлкой, и компрессы, компрессы ледяные на голову.

XXXIX.

Распорядиться сидѣлкой Андрей Ивановичъ потѣхалъ самъ. Петръ Ивановичъ не измѣнилъ себѣ и, по обыкновенію, выпилъ двѣнадцать рюмокъ водки передъ обѣдомъ. Онъ чувствовалъ себя въ превосходномъ настроеніи, и какіе-то полчаса заходилъ къ племяннику. Онъ объяснилъ сидѣлкѣ уходъ, и, маршируя по комнатамъ, говорилъ Жозѣ:

— Если бы два мѣсяца назадъ мнѣ сказали, что здѣсь, въ квартирѣ, у меня сойдутся двое: Буровъ и Андриушечка, я бы говорящаго свезъ въ желтый домъ. Я думалъ, что никакая болѣзнь, никакая смерть не заставитъ слиться эти стихіи. И вдругъ жизнь подсовываетъ комбинацію. Бродячій мальчишка вдругъ заставляетъ двухъ генераловъ танцевать предо мною и продѣлывать комедію высокихъ чувствованій.

— Это не комедія, Петичка,—остановила его Жозя.

— Комедія! Сами передъ собой ломаются.

— Петичка, я видѣла, какъ онъ поцѣловалъ руку у мальчишка.

— Ну и видѣла, что же! Ему показалось это приятнымъ и нужнымъ. Онъ увидѣлъ его отмороженную грубую руку, и подумалъ: «дай, я поцѣлую: это будетъ трогательно». Поцѣловалъ и заплакалъ. Я увѣренъ, что у него потекли слезы, и одна изъ слезинокъ упала на руку сыну. Это очень приятно иногда заплакать. Слезы щекачуть въ носу, прочищаютъ глаза,—отъ нихъ тепло щекамъ. Потомъ грудь такъ легко вздыхаетъ, и человѣку кажется, что онъ совершилъ долгъ передъ собою, Богомъ и людьми.

— Какъ я не люблю, когда ты такъ говоришь,—сказала Жозя.

— Ну ужъ, душенька, меня не передѣлать. Теперь онъ окружилъ себя портретами Инессы и вналъ въ меланхолическую задумчивость. Жуковский этакій романтикъ, чортъ возьми. Сидитъ передъ своими зализанными холстами и вспоминаетъ, какъ соблазнялъ итальянку. Теперь онъ на стѣны лѣзетъ, хочетъ разыграть роль любящаго отца...

— Передъ кѣмъ, Петичка?

— Передъ собою, душенька, передъ собою! Опять-таки это приятно: «вотъ, дескать, какой я великодушный, вотъ какой я честный!» Просто—самодурство. То пятнадцать лѣтъ не хотѣлъ ни о чемъ думать, то теперь ручки у обмороженного мальчишки цѣлуетъ... Ну, а потомъ этотъ—другой-то,—тоже въ великодушіе разыгрывается. Сегодня онъ такой пылн въ больницѣ напустился, что у меня явилось желаніе взять его за хохоль, какъ кота блудливаго, пригнуть къ полу и потыкать носомъ, да приговаривать: «не смѣй такъ говорить, не смѣй, не смѣй»...

— Онъ былъ очень любезенъ со мной,—замѣтила Жозя.

— Бабникъ. Сколько разъ его барыни по рожѣ хлестали за излишнія изслѣдованія.

— Скажи мнѣ, Петичка,—остановила его жена:—скажи мнѣ одинъ разъ только, но откровенно, по совѣсти, хорошій онъ врачъ или нѣтъ?

Петръ Ивановичъ оглянулся, притворивъ дверь, на цыпочкахъ подошелъ къ женѣ и сказалъ шопотомъ:

— Хорошій!

Онъ опять оглянулся.

— Но вся его хорошеньсть состоитъ въ томъ,—продолжалъ онъ:—что онъ отчаяннѣйшій нахаль и необычайно самонадѣянъ. Онъ входитъ въ квартиру къ больному съ твердой увѣренностью, что не только пойметъ болѣзнь, но и исцѣлитъ его. Понимаешь, онъ такъ зарядитъ себя, и отъ него во все стороны, какъ лучи, идетъ эта самоуувѣренность, и другихъ заражаетъ. Для него все просто, все сводится на какой-то анекдотъ, и въ этомъ весь его успѣхъ. Если больной умираетъ, то онъ считаетъ это совершенно нормальнымъ, онъ даже предсказываетъ очень удачно. «Сегодня вечеромъ въ половинѣ восьмого больной умретъ». Все повѣрять, придуть къ постели минутъ за десять до срока,—ну, больной увидитъ, что дѣлать больше нечего, и помретъ. Потомъ у него не излѣченія, а исцѣленія. Больные все исцѣляются, какъ только войдутъ въ его приемную. У него въ приемной саженыя картины въ золотыхъ рамахъ висятъ, и по роялямъ и столамъ портреты великихъ людей разставлены съ надписями: «моему спасителю», «моему цѣлителю», «чудотворцу», «Гиппократу», «Солнцу медицины»...

— Отъ кого же это?—поинтересовалась Жозя.

— Отъ всѣхъ. Только нѣтъ отъ Александра Македонскаго и Христофора Колумба, и то потому, что они умерли, не дождавшись его рожденія. У него и ордена такіе есть: за великое переселеніе народовъ, за литовскую унию, за открытіе закона тяготѣнія, за пѣвицу Жюдику...

— Ну, ужъ съ тобой говорить!—сказала Жозя.

Онъ прошелся по комнатамъ, и вдругъ расхохотался.

— А вотъ была бы потѣха...

Онъ подошелъ къ женѣ въ упоръ.

— Что, если этотъ Петька—не сынъ ему? Вѣдь только по родникѣ, по одной родникѣ онъ и призналъ его.

— А глаза-то, глаза?..

— Что глаза! Глаза черные все другъ на друга похожи. И оказывается, что мы возмезъ съ какимъ-нибудь уличнымъ проходимцемъ. Ха-ха! Это для меня была бы самая высокая степень наслажденія. Вообще вся эта исторія съ найденнымъ пахнетъ довольно скверно, чѣмъ-то нездоровымъ. Я терпѣть не могу неожиданности. А тутъ мальчишка вается, какъ снѣгъ на голову. Какіе-то цыганята, которые перевертываютъ всю жизнь...

Къ вечеру мальчику стало хуже. Онъ стоналъ и метался. Андрей Ивановичъ, пріѣхавшій послѣ обѣда, послалъ записку къ Бурову. Часа черезъ два тотъ пріѣхалъ. Онъ засталъ Петра Ивановича у постели больного трезвымъ и сосредоточеннымъ.

— Ну, что?—спросилъ онъ.

— Такъ, на остріѣ иглоки,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Вотъ что,—вы будете противъ этого, а я за это,—дайте ему вина...

— Нѣтъ, отчего же, я не противъ,—пробурчалъ Петръ Ивановичъ.—А только и не за,—прибавилъ онъ.

Петъ влилъ въ ротъ двѣ ложки редерера съ коньякомъ. Онъ проглотилъ.

Жаръ былъ сильнѣе, температура—какая бываетъ уже при агоніи.

— Я думаю, отдынитесь,—тихо сказалъ Буровъ.

— Ну, едва ли,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ еще тише.

— Есть у меня примѣры, я вамъ потомъ скажу... Я почти увѣренъ, что онъ вытянется.

Онъ подошелъ къ Андрею Ивановичу и тронулъ его за плечо.

— Не отчаивайтесь,—сказалъ онъ.—Есть хорошіе симптомы.

— Все вретъ!—шепнулъ женѣ Петръ Ивановичъ.

Въ прихожей Буровъ сказалъ Петру Ивановичу:

— Что же это вашъ братъ дѣлаетъ? — сейчасъ мнѣ сунулъ въ руку сторублевую бумажку. Что онъ — купецъ съ Калашниковской пристани, что ли? Скажите ему, что это... ну, неприлично, что ли. Меня онъ ста рублями не удивитъ, а просто нелѣпо.

Петръ Ивановичъ передалъ это брату.

— Ахъ, Богъ мой, — съ тоской заговорилъ онъ. — Да неужто онъ не понимаетъ, что мнѣ теперь не до счета? Ну, сунулъ ему сто рублей, велика важность, стоитъ изъ-за этого исторію поднимать.

— «Въ проруби, въ проруби!» — вдругъ забормоталъ больной: — я въ прорубь засунулъ... Ножки торчали...

Братья переглянулись. Докторъ подошелъ къ постели.

— Что такое? — спросилъ онъ. — Чьи ножки?

— Мѣдныя! — отвѣтилъ Петя.

Братья опять посмотрѣли другъ на друга.

— Гдѣ его носило? — спросилъ Петръ Ивановичъ.

Онъ наклонился къ больному.

— Зачѣмъ ты въ проруби его запрягалъ? — спросилъ онъ.

— Совсѣмъ, туда, подъ ледъ, — вдругъ скоро заговорилъ мальчикъ. — Не увидать, не найдуть, Ома Ивановичъ... Камень большой, — онъ его ко дну... Ежели полиція... не найдетъ...

Петя замолкъ. Андрей Ивановичъ растерянно смотрѣлъ на брата.

— Да что же это? — сказалъ онъ. — Кого же, и гдѣ въ проруби топили?

— Такъ ты думаешь, не найдуть его въ проруби? — спросилъ Петръ Ивановичъ, наклоняясь къ Петѣ.

— Нѣтъ. Ножки торчали, да я ихъ туда просунулъ... Съ мѣдными наконечниками...

— Тутъ не одинъ бредъ, — сказалъ Петръ Ивановичъ. Андрей Ивановичъ взялся за голову.

— Господи, да что же это такое! Гдѣ онъ былъ, что за люди были вокругъ него! Кого они топили?..

Сидѣлка, сдвинувъ брови, прислушивалась къ ихъ разговору.

— Тутъ вотъ васъ не было, — сказала она: — такъ онъ говорилъ: «Изъ крѣпости офицеры ѣдутъ, только бы собака не мѣшала, я успѣю ускакать...» И все онъ о собакахъ: то ласкаетъ ее, то гонитъ. Все время собака вокругъ него вьется.

— Дать ему, въ самомъ дѣлѣ, по рецепту моего патрона, шампанскаго, — можетъ, отъ нихъ собаки подойдутъ? — сказалъ Петръ Ивановичъ.

И онъ далъ ему ложку шампанскаго.

XI.

Къ утру какъ будто ему стало лучше. Бредъ прошелъ, температура спала. Ему дали нѣсколько ложекъ янцъ всмятку съ коньякомъ. Онъ заснулъ. Буровъ пріѣхалъ въ двѣнадцать часовъ, потрогалъ ему лобъ и сказалъ Жозѣ:

— Передайте мужу, что мои примѣты вѣрнѣе его знаний, и что напрасно онъ имъ не придастъ цѣны.

Къ вечеру Петръ Ивановичъ сказалъ:

— Да, дѣло идетъ на улучшеніе.

— Когда его можно перевезти ко мнѣ? — спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Зачѣмъ это? — удивился братъ. — Во-первыхъ, здѣсь ухоть лучше, потому что за нимъ и за сидѣлкой смотритъ Жозя. А во-вторыхъ, куда по такимъ морозамъ его тащить, чтобы возвратъ болѣзни былъ?

Наконецъ, Петя пришелъ въ себя. Онъ удивился на высокій бѣлый потолокъ комнаты, на свѣтлыя высокія окна. Обои показались ему знакомыми: на нихъ были изображены какія-то сѣрыя гилянды цвѣтовъ. Онъ припоминалъ, гдѣ и когда ихъ видѣлъ, и не могъ припомнить. Потомъ онъ повернулъ голову, и изумился еще болѣе. Передъ нимъ стоялъ его первый хозяинъ, Троцкий, заложивъ руки въ карманы и весело глядя на него.

— Это ты что же, молодчинище, продѣлываешь? — спросилъ онъ. — Гдѣ это тебя угораздило такъ влопаться?

Петя отчетливо слышалъ этотъ вопросъ, и отчетливо видѣлъ Троцкаго. Онъ хотѣлъ говорить, сдѣлалъ усиліе, но звука не раздалось. Онъ еще разъ вдохнулъ въ себя воздухъ и спросилъ:

— Гдѣ я?

— Вотъ тебѣ разъ! Не узнаешь дома дяди Петра Ивановича. Видь ты жилъ здѣсь.

— Какъ попалъ? — спросилъ онъ, подумавши.

— А это ужъ тебя надо спросить. Говорятъ, тебя какой-то мужикъ привезъ.

— Елифановъ?

— Можетъ, и Елифановъ, словомъ, какая-то небри-тая рожа.

— Елифановъ, — повторилъ Петя. — А Ома Ивановичъ гдѣ?

— Ну, этого, братецъ, аю, я не знаю! А скажи-ка ты мнѣ, про какую собаку ты все поминашь?

— Собаку?

Онъ улыбнулся.

— Собака ничего: она отстала.

Онъ подумалъ и закрылъ глаза.

Когда онъ снова ихъ открылъ, вмѣсто Троцкаго возлѣ него было лицо Жозы.

— Здравствуйте! — вдругъ сказалъ онъ.

Жозя вздрогнула (она читала) и положила ему свою руку на грудь.

— Какъ чувствуешь себя?

— Ничего. Только трудно погами ворочать.

— Такъ ты и не ворочай. Бѣсть хочешь?

Онъ сообразилъ и сказалъ:

— Да!

Живо явился бульйонъ и яйцо; онъ слегка приподнялся, взялъ въ слабую руку ложку и увидѣлъ, что на рукѣ проступили кости, и она бѣла, какъ у Жозы.

— Гдѣ же всѣ они? — спросилъ онъ, кончивъ бѣсть.

— Кто? — спросила Жозя.

— Они, гдѣ я жилъ?.. Что же они меня одного бросили?..

— Ты не одинъ, — обиженно сказала Жозя. — Тутъ и я, и Петръ Ивановичъ, и Андрей Ивановичъ — всѣ вокругъ тебя...

— Андрей Ивановичъ, — повторилъ мальчикъ. — Зачѣмъ Андрей Ивановичъ?.. Я не хочу его.

— Онъ тебя любитъ, Петя.

Онъ покачалъ отрицательно головой.

— Я его боюсь, — сказалъ онъ.

— Его не надо бояться. Вотъ онъ придетъ скоро сюда, ты увидишь, какой онъ ласковый.

— Придетъ?.. Не пускайте его! Прошу васъ, не пускайте. А если придетъ Елифановъ, или Ома Ивановичъ, — прибавилъ онъ: — такъ пустите, пожалуйста.

Скоро пріѣхалъ Андрей Ивановичъ. Узнавъ, что Петя пришелъ совсѣмъ въ себя, онъ радостно вошелъ къ нему въ комнату.

— Ну, здравствуй, мой мальчикъ, — заговорилъ онъ весело: — какъ чувствуешь?

И онъ наклонился, чтобы его поцѣловать, но Петя откинулъ голову на подушку и капризно испуганнымъ тономъ сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!

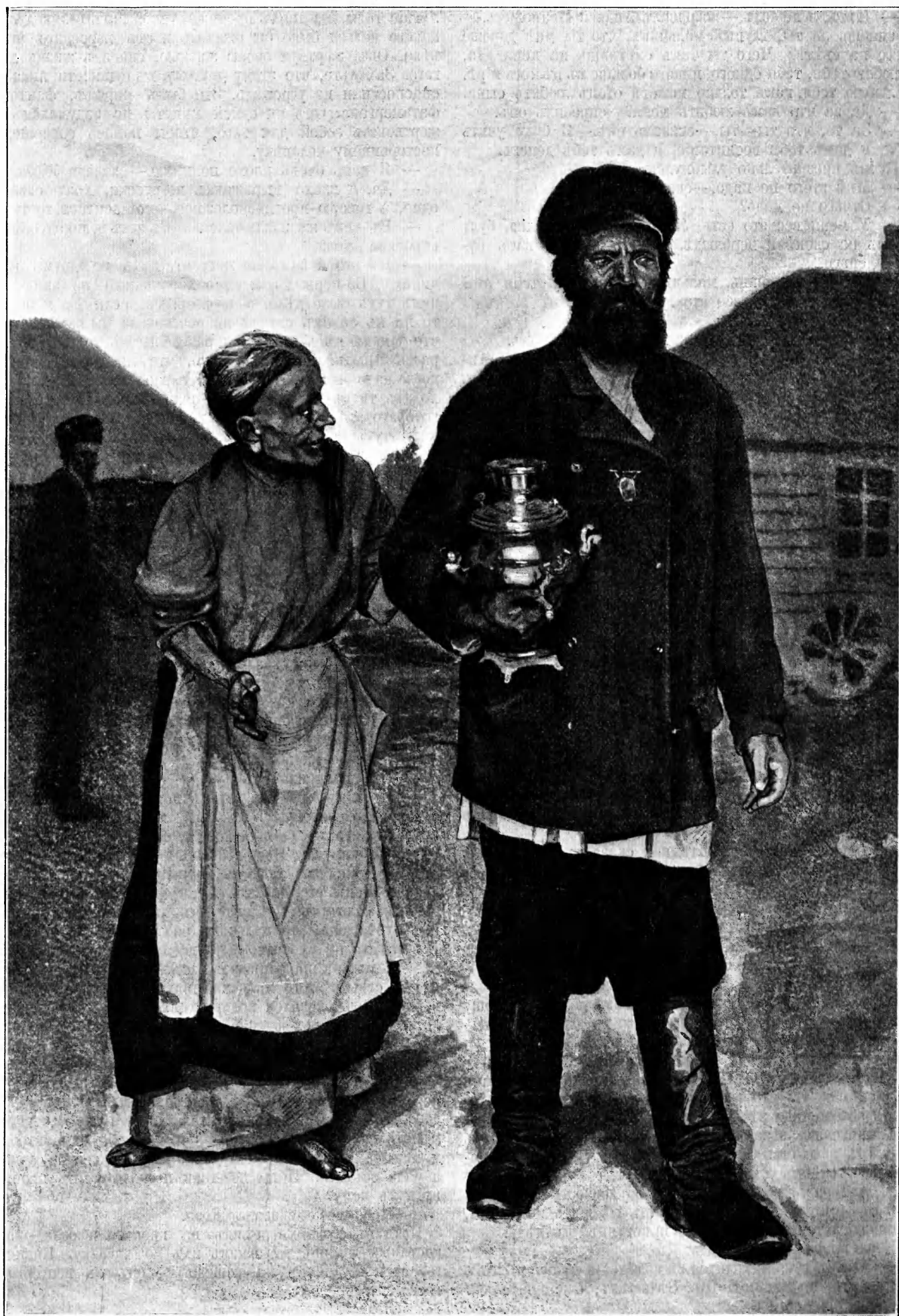
Андрей Ивановичъ рѣзко отпрянулъ отъ него. Его поразило это сходство съ Инессой. Когда она отматы-валась отъ его ласкъ, она такъ же поднимала одно плечо, и тѣ же ноты дрожали въ ея голосѣ, и такъ же сверкали глаза. Онъ и лицомъ теперь былъ двѣ капли она: онъ поблѣднѣлъ, похудѣлъ, черныя кудри отросли и такими же змѣйками, какъ у нея, обрамили лобъ и щеки. Ему даже показалось, что это она лежитъ передъ нимъ на постели, или самъ дьяволъ принялъ ея образъ.

Онъ сѣлъ въ кресло, не поцѣловавъ сына.

— Чего ты боишься меня? — спросилъ онъ, пересели-вая неприязненное чувство.

Литературный альбомъ. „Хирургія“, рассказъ А. П. Чехова. Рисунокъ А. Апсита, авт. «Нивы».

Литературный альбомъ. „Мужики“, разсказъ А. П. Чехова. Рисунокъ Н. Бодянского, авт. «Нивы».

— Вы—злой,—сказалъ мальчикъ.

— Нѣтъ, я не злой,—возразилъ Андрей Ивановичъ.— И знаешь ли ты, глупый мальчикъ, что ты мнѣ дороже всего на свѣтѣ? Чего ты такъ смотришь на меня? Да, я люблю тебя, тебя одного, никого больше въ цѣломъ мірѣ. Я люблю тебя, какъ только можетъ отецъ любить сына.

— Да за что вамъ любить меня?—спросилъ онъ.

— За то, что ты—ты,—сказалъ онъ.—Я буду учить тебя, я дамъ тебѣ воспитаніе, я дамъ тебѣ денегъ.

Петръ презрительно улыбнулся.

— Мнѣ этого не надо,—сказалъ онъ.

— Отчего не надо?

— У меня все это есть. Я поѣду въ Австралію, буду ѣздить на слонѣ и верблюдѣ. У меня и безъ васъ будутъ деньги.

— Что ты говоришь, мальчикъ? Откуда у тебя это? Скажи, гдѣ ты былъ все это время?

Онъ стиснулъ зубы.

— Этого вы никогда не узнаете,—сказалъ онъ.

— Почему знать,—съ хитрой улыбкой сказалъ Андрей Ивановичъ.—Мы слышали кое-что о вашей проруби. Петя вздрогнулъ.

— О проруби? Ну, и что же?

— Насчетъ ножекъ съ мѣдными наконечниками.

Петя пристально смотрѣлъ въ лицо Андрея Ивановича.

— Какія же это ножки?—попробовалъ онъ сбить съ толку старика.

— А вотъ тѣ, о которыхъ ты бредилъ... И о собакахъ...

— Собака? Да, и собака была... А теперь ничего нѣтъ.

— Такъ это вы собаку топили въ проруби?

Петя понялъ, что онъ ничего не знаетъ.

— Да, да,—сказалъ онъ:—и собаку, и кошку, и игрушки съ елки, все мы топили въ проруби. Вотъ здѣсь, на Невѣ, у Николаевского моста.

— Ну, а чухонецъ, что тебя привезъ, кто это?

— А это изъ Египта такой рыбакъ. Онъ апостола Петра черезъ рѣку перевозилъ, когда тотъ церковь святить на землю спустился...

Андрей Ивановичъ положилъ ему руку на лобъ.

— Да, тебѣ надо еще успокоиться,—сказалъ онъ.

Онъ наклонился и поцѣловалъ его. На этотъ разъ Петя не отвернулся.

— Слушай,—сказалъ Андрей Ивановичъ:—мы съ тобой будемъ друзья, говори мнѣ *ты*. Слышишь? Непременно говори *ты*, я такъ хочу.

Петя посмотрѣлъ ему въ лицо и сказалъ:

— Ты... какъ бы я хотѣлъ никогда тебя не видѣть.

ХІІ.

Жозефинѣ Оедоровнѣ доложила горничная, что ее хочетъ видѣть какая-то дама, которая не желаетъ сказать своей фамиліи. Она велѣла ее принять. Въ гостиную вошла полная курноса женщина.

— Извините, что я насильно къ вамъ врываюсь,—заговорила она:—но я считаю это своимъ долгомъ. Прошу извиненія, что я плохо владѣю русскимъ языкомъ. Быть-можетъ, позвольте говорить по-англійски?

— Я по-англійски не знаю,—возразила Жозя.

— Ну, что дѣлать. Тогда я еще разъ попрошу у васъ извиненія за то, что нѣсколько буду затрудняться русскою разговорною рѣчью. Но я, какъ видите, иностранка и сравнительно недавно овладѣла чрезвычайно труднымъ русскимъ языкомъ. Онъ чрезвычайно труденъ, почти невысказуемо труденъ для иностранца. Такъ вотъ, извинившись еще разъ, во-первыхъ, за мою дерзость придти къ вамъ, во-вторыхъ, за мою смѣлость говорить по-русски, я рѣшаюсь теперь уже прямо приступить къ дѣлу.

Жозя просила приступить.

— У васъ тутъ находится на излѣченіи мальчикъ лѣтъ тринадцати, по имени Петръ. Вѣдь такъ, я не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь.

— Я должна вамъ сказать, что это самый удивительный мальчикъ, какой только есть на земномъ шарѣ. Пред-

ставьте себѣ, что онъ, несмотря на свои несовершеннолѣтніе годы, на-дняхъ проявитъ такой актъ великодушія, какого нельзя было бы ожидать и отъ взрослого человека. Онъ, жертвуя своею жизнью, спасаетъ жизнь другого. Замѣтите, что этому другому, въ сущности, никакой опасности и не угрожало. Это былъ миражъ, фантомъ, фатаморгана. Онъ ни одной минуты не задумался пожертвовать собой для того, чтобы помочь совершенно постороннему человеку.

— Я васъ очень плохо понимаю,—сказала Жозя.

— Да, я плохо выражаюсь по-русски, хочу сказать одно, а говорю противоположное,—согласилась гостя.

— Въ чемъ же заключался этотъ актъ великодушія?—спросила Жозя.

— На это я вамъ не могу отвѣтить по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, я сама хорошенько не знаю, въ чемъ тутъ было дѣло, а во-вторыхъ, если бы и знала, то ни въ какомъ случаѣ не рассказывала бы вамъ, потому что у меня нѣтъ привычки рассказывать то, чего нельзя рассказывать. Я знаю только, что наступила минута, когда надо было дѣйствовать. Ну, вообразите, вдругъ подходить тигръ или удавъ, и надо спасать человека, на котораго эти звѣри хотятъ напасть. Тутъ некогда думать, тутъ надо дѣйствовать. И вотъ этотъ мальчикъ, преданный, любящій, кидается и дѣйствуетъ. Болѣзнь валитъ его съ ногъ. По случайнымъ обстоятельствамъ, очень глупый человекъ привезъ его къ вамъ въ домъ, и только недавно пришелъ и сказалъ мнѣ объ этомъ. Тогда я рѣшила придти прямо къ вамъ, когда не будетъ дома вашего мужа,—потому что мужчина этого никогда не пойметъ,—и сказать вамъ про этого мальчика, что это честнѣйшее и благороднѣйшее созданіе. Какъ духъ Божій живетъ и въ низшихъ тваряхъ! Вѣдь онъ—жалкій маленькій камердинеръ, и вдругъ такая высота, такая красота подвига. Вы меня понимаете, madame?

— Плохо... Но скажите, гдѣ же онъ былъ?

— Онъ былъ у честнѣйшаго и благороднѣйшаго человека, который тоже жертвуетъ своею жизнью, но за благо родины. Они полюбили другъ друга, теперь судьба разорвала ту цѣпь, которая ихъ связывала. Ну, какъ здоровье этого бѣднаго малаго?

— Онъ поправляется.

— Не могу ли я его видѣть хотя бы на минуту?

Жозя колебалась.

— Онъ такъ слабъ,—сказала она.

— На минутку. Вѣдь вы женщина, и вы поймете сами, что женская благодарность искреннѣе мужской. Я хочу поблагодарить его, сказать ему, что онъ честный и благородный мальчикъ. Сдѣлайте мнѣ это одолженіе, и я сердцемъ убѣждена, что мальчикъ радъ будетъ меня видѣть. Вы можете не уходить, быть все время при насъ...

— Я должна предупредить васъ,—начала Жозефина:—что въ судьбѣ этого мальчика произошелъ крупный переломъ. Онъ оказался родственникомъ одного почтеннаго лица, и по происхожденію онъ дворянинъ. Если не найдется его документовъ, то его усыновятъ. Ему хотятъ дать приличное воспитаніе и положеніе.

— О!—сказала гостя.—Конечно, это очень хорошо, и несомнѣнно, что это Провидѣніе награждаетъ его за его доблестный подвигъ. Но мнѣ кажется, что уже ему поздно мѣнять положеніе... Впрочемъ, это моя собственная точка, и, можетъ-быть, она заблуждающаяся. Во всякомъ случаѣ, я рада за него. И вы все-таки позвольте мнѣ проникнуть къ нему?

— Пойдемте,—сказала Жозя.

Петя въ фуфайкѣ лежалъ на кровати и складывалъ костяныя домино, разложивъ ихъ по тюфяку. Поднявъ голову и взглянувъ на вошедшую, онъ съ восторгомъ воскликнулъ:

— Леди!

— Вотъ видите!—съ торжествомъ сказала она:—я предупреждала васъ, что онъ будетъ радъ.

Она протянула ему руку.

— Я рада, храбрый юноша, за тебя, — сказала она: — во-первых, рада, видя тебя въ такомъ помѣщеніи, которое говоритъ о добромъ сердцѣ пріотивившихъ тебя людей; во-вторыхъ, я рада, потому что ты хорошо и весело смотришь, значить, твоя болѣзнь проходитъ. Въ-третьихъ, я должна тебѣ сказать, что твой благородный поступокъ никогда не забудется и будетъ вписанъ въ книгу твоей жизни золотыми буквами. Я приняла тебя поблагодарить отъ имени Оомы Ивановича, и сказать, что онъ считаетъ себя твоимъ должникомъ. Если бы я нашла тебя въ дурныхъ условіяхъ, я бы предложила тебѣ денегъ, но тебѣ этого не надо...

— Оома Ивановичъ здѣсь? — весь расцвѣтая отъ радости, спросилъ Петя.

— Нѣтъ, Оома Ивановичъ далеко, за границей. Но онъ любитъ тебя и помнить.

— Онъ хотѣлъ съ собой взять меня, — сказалъ онъ слезливо.

— Онъ не могъ тебя взять, другъ мой, потому что ты былъ боленъ. Онъ оставилъ тебя на порученіе этого противнаго чухонца, а онъ, вмѣсто того, чтобъ подождать меня, сейчасъ же тебя отвезъ сюда. Я приѣзжаю — и никого нѣтъ, только дура его сестра, которая, кромѣ какъ по-чухонски, никакъ не понимаетъ.

— Зачѣмъ онъ бросилъ меня? — не унимался Петя.

— Онъ не бросилъ тебя; развѣ можетъ кого-нибудь бросить Оома Ивановичъ? Если ты захочешь когда-нибудь поѣхать къ нему, скажи мнѣ только одно слово. Дворникъ Трифонъ знаетъ, гдѣ меня найти. Онъ бережетъ до марта его квартиру, и я тамъ бываю. Скажи ему одно слово — и дѣло кончено...

Жозефина встала.

— Леди, — сказала она: — мнѣ кажется, вы злоупотребляете моею довѣрчивостью, и говорите мальчику то, что не должны говорить.

— Не должна говорить? — возразила она. — Почему? Развѣ я ему совѣтую что-нибудь безчестное? Я указываю ему на возможность жить и работать съ лучшимъ въ мірѣ человекомъ, не какъ слуга, а какъ другъ и помощникъ.

— Да, я хочу къ нему, — сказалъ мальчикъ. — Леди, отправьте меня къ нему...

— Но кто же этотъ Оома Ивановичъ, что это за незнакомецъ, объясните мнѣ, наконецъ! — потребовала Жозефина Федоровна.

— Я вамъ скажу, кто такой Оома Ивановичъ. Это человекъ въ полномъ смыслѣ слова. Знаете, какъ Шекспиръ сказалъ:

He was a man, take him for all in all,
I shall not look upon his like again *)

Онъ человекъ дѣла и работы. Подумать и сдѣлать — для него одно. Его свернуть съ дороги можетъ только смерть. Онъ любитъ свою родину, и для ея величія идетъ на тѣ, что мелкимъ душамъ кажется компромиссомъ съ совѣстью. Кромѣ того, есть такія натуры, которыя жаждутъ опасности. Они не любятъ охотиться на зайца, — они предпочитаютъ идти одинъ на одинъ на сѣраго медвѣдя, не потому, чтобы медвѣдь что-нибудь сдѣлалъ имъ нехорошее, а потому, что они живутъ опасностью. Таковъ и этотъ Томасъ Гиббсъ. Видите, я называю вамъ его по имени. Я вижу въ немъ величіе подвига. Такие люди ходятъ къ сѣверному полюсу и погибаютъ среди льдовъ, ни одной минуты не раскаиваясь въ томъ, что оставили за собой жарко натопленные камни и превосходныя постели подъ атласными стегаными перинами. Они становятся во главѣ инсургентовъ. Они сражаются иногда за другую національность, потому что помогаютъ всегда тѣмъ, кто терпитъ. Это человекъ, который никогда ни въ комъ не нуждается, и человекъ, у котораго подъ ледяною коркой течетъ раскаленная лава. Ему надо было

немедленно покинуть то мѣсто, гдѣ онъ находился. Если-бъ его настигли, дѣло могло кончиться, быть-можетъ, очень не хорошо. Дорога была каждая минута. Но онъ сидѣлъ и ждалъ, что скажетъ докторъ относительно этого заболѣвшаго мальчика, и только когда тотъ обнадежилъ его, поѣхалъ ко мнѣ. И если бы этотъ глухой старый Епифановъ не трясъ его въ своихъ саняхъ три часа по морозу, я увѣрена, что онъ былъ бы давно здоровъ, и не беспокоилъ васъ своимъ присутствіемъ. О, я не знаю, какое воспитаніе дадутъ этому молодому человеку, но такой крѣпкій духъ, такую силу, какъ у Томаса Гиббса, ему не дадутъ. А если бы Гиббсъ принялся за воспитаніе, тогда я увѣрена, что онъ бы создалъ достойнаго себя ученика...

— Вы его волнуете, леди. Посмотрите, какъ онъ раскраснѣлся, — сказала Жозя.

— Да! — воскликнулъ мальчикъ: — да, я уйду къ нему. Прощайте, леди, и скажите мистеру Гиббсу, что я буду съ нимъ — или ни съ кѣмъ.

— Хорошо! Прощай, милый мальчикъ, — проговорила Кэти. — Дѣлай, что тебѣ подскажетъ сердце.

— Вы — женщина, madame, — говорила она въ гостиной, потрясая руку Жози. — Повѣрьте, я ничего худого не сдѣлала, а сдѣлала только то, что мнѣ подсказала совѣсть.

XII.

По возвращеніи Петра Ивановича домой, жена разсказала ему про визитъ леди.

— Ее надо было отправить въ участокъ, — сказалъ онъ. — И жалко, что ты этого не догадалась сдѣлать. Это какая-то банда фальшивыхъ монетчиковъ, или вообще мерзавцевъ. Понятно, мальчика тянетъ туда, потому что онъ привыкъ къ цыганщинѣ, и отъ оскѣднаго житія его воротить. Сбѣжалъ первый разъ, сбѣжитъ и еще. Не думаю, чтобъ Андрей его удержалъ. Я даже не знаю, говорить ли брату объ этомъ посѣщеніи.

Онъ прошелъ къ племяннику.

— Милый другъ, — сказалъ онъ: — тебѣ уже сообщалъ братъ Андрей, что онъ хочетъ тебя усыновить и считать роднымъ сыномъ. Значить, ты войдешь въ нашу семью, въ наше семейство, какъ равный. Мы плохо знаемъ твое прошлое, да и знать не хотимъ. Но ты долженъ порвать съ нимъ все. Ты долженъ дать слово, что всѣ сношенія съ таинственными дамами и разными Томасами будутъ прекращены.

— Я этого слова не дамъ, — сказалъ мальчикъ.

— Почему?

— Потому что это хорошие люди.

— А мы?

— Вы... вы тоже хорошіи. Но Андрей Ивановичъ — онъ худой, дурной. Я не хочу быть его сыномъ, съ чего онъ выдумалъ?

— А если ты въ самомъ дѣлѣ его сынъ?

— Какъ?..

Петя даже засмѣялся.

— Съ какой стати...

— А если онъ тебѣ представитъ доказательства?

Петя покачалъ головой.

— Я не повѣрю. Я все равно уйду отъ него.

— Волченочъ ты!..

— Ну, и волченочъ. Зачѣмъ же онъ...

Петя замолчалъ, не договоривши. Онъ легъ въ постель, и закутался съ головой въ одеяло.

— Да, съ нимъ напляшется Андрей! — сказалъ Петръ Ивановичъ Жозѣ, выходя изъ спальни.

Свои опасенія на этотъ счетъ онъ сообщалъ и пріѣхавшему Андрею.

— Этого горячаго матеріала надо касаться осторожно, — сказалъ онъ. — Мой совѣтъ, покончи сразу: спроси его, хочетъ онъ признать тебя своимъ отцомъ, или

— Развѣ объ этомъ спрашиваютъ?

— А не спросишь, будетъ хуже.

*) Это былъ человекъ, совершенный во всѣхъ отношеніяхъ, мнѣ не удастся видѣть другого, ему подобнаго.

Веселая компания. Картина А. Эльслея, авт. «Нивы».

Гибель французской подводной лодки „Фарфадэ“.

(Рис. на этой стр.).

Съ тѣхъ поръ, какъ начали повсюду строить подводныя суда и уже болѣе сотни ихъ пробовало свои силы и способности подъ волнами океана, до самаго послѣдняго времени было только одинъ случай гибели такого судна. Именно, въ прошедшемъ году, въ апрѣлѣ, во время маневровъ англійскаго флота около острова Уайта, подводная лодка, недостаточно глубоко погрузившаяся, налетѣла на громадный броненосецъ, столкнулась съ нимъ и была разрушена. Два офицера и девять матросовъ были вмѣстѣ съ нею погребены на днѣ моря. И вотъ теперь о новомъ случаѣ гибели подводной лодки телеграфъ разнесъ извѣстiе по всему міру.

На этотъ разъ жертвою Нептуна сдѣлалась французская подводная лодка «Фарфадэ» (*Farfadet* по-французски значитъ блуждающій огонь, эльфъ, духъ, чортикъ и т. д.). Катастрофа случилась въ Бизертѣ, французской военной гавани, въ Тунисѣ. «Фарфадэ» стояла въ этой гавани и обычно упражнялась въ плаваніи въ особомъ бассейнѣ. Это была прекрасная лодка, недавней постройки; закладка ея совершилась въ сентябрѣ 1899 года; строилась она въ Рошфорѣ подъ руководствомъ инженера Могэ. Длина ея 20 саженъ, водоизмѣщеніе — 185 тоннъ, скорость хода — 12 узловъ въ часъ.

6 июля, въ девятomъ часу утра, «Фарфадэ» спокойно маневрировала, производила ученье, какъ выражаются военные моряки, въ бизертскомъ бассейнѣ, передъ мѣстнымъ арсеналомъ. Лодка плыла сначала по верху, потомъ командиръ, лейтенантъ Ратье, командовалъ, чтобы судно погрузилось подъ воду. Исполненіе этого маневра начинается, само собою разумѣется, съ того, что люки, т. е. отверстія въ палубѣ судна, плотно и непроницаемо запираются. И вотъ случилось, что одинъ изъ этихъ люковъ, пришедшій въ неисправность, которая во-время никакъ не была замѣчена, заупрямился и не закрылся. Между тѣмъ другіе маневры, которые дѣлаются при погруженіи, были уже исполнены, и судно быстро уходило подъ воду. Вода хлынула съ громаднымъ напоромъ въ люкъ, оставшійся незапертымъ. Напоръ воды, конечно, породилъ бурный потокъ воздуха изнутри судна, вытѣснимаго вливающейся въ него водой. Этимъ ураганомъ воздуха подхватило какъ разъ подъ него подвернувшихся командира судна Ратье, его помощника Троадека и матроса Лежана, и вышвырнуло ихъ совсѣмъ вонъ изъ внутренности судна. Всѣ трое упали въ воду, и ихъ спасеніе — было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Но всѣ остальные люди, бывшіе внутри лодки, увя, остались въ ней; имъ выхода не было. Лодка съ ними исчезла подъ водою.

Мѣсто, гдѣ случилась катастрофа, имѣетъ глубину въ десять саженъ, да въдобавокъ, дно въ этомъ мѣстѣ вязкое, тинистое; судно, при его веретенообразной формѣ, должно было неминуемо

глубоко засосать въ эту тину. Однако, въ первое время никто не терялъ надежды. Прежде всего вспомнили, что судно снабжено продовольствомъ, и потому ни голодъ, ни жажда затонувшему экипажу не угрожаетъ въ теченіе достаточно долгаго времени. Къ сожалѣнію, вопросъ о продовольствіи явился сущимъ вздоромъ въ сравненіи съ другимъ, болѣе грознымъ, вопросомъ — «надолго ли хватитъ у затонувшихъ воздуха?». Знали, что судно снабжено внутри водонепроницаемыми перегородками; можно было разсчитывать, что люди, если не всѣ, то хоть нѣкоторые, успеютъ

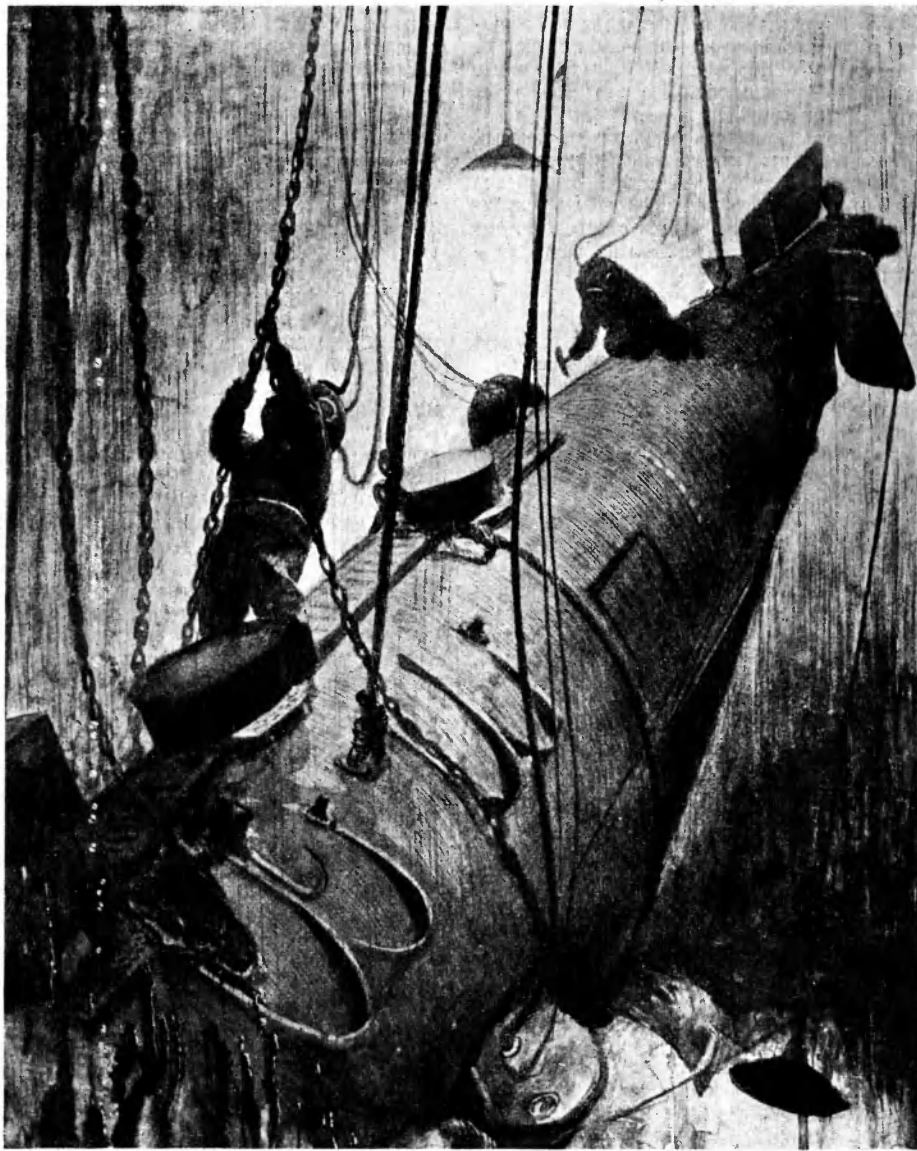
проскочить въ заднюю часть судна и въ ней запереться наглухо, и тамъ ждать, пока судно поднимутъ... если только хватитъ воздуха, чтобы переждать это время.

Началась снѣжная работа спасенія. Опустили водолазовъ. Тѣ опускали судно и получили отъ затонувшихъ. Значитъ, люди еще живы. Тогда корпусъ судна былъ окруженъ цѣпями, и его начали тянуть вверхъ. Уже одинъ конецъ его показался надъ водою, въ него прежде всего накачали воздуха, чтобы поддержать дыханіе заточенныхъ въ суднѣ людей. Но тутъ начался рядъ отчаянныхъ неудачъ; веретенообразный корпусъ судна трудно было удерживать цѣпями, которыя съ него соскальзывали; въдобавокъ, огромный паровой кранъ, которымъ производился подъемъ, не выдержалъ груза судна и сопротивленія громаднаго слоя пла, въ который его засосало, и сломался. «Фарфадэ» снова исчезла подъ водою и зарылась своимъ острымъ концомъ въ глубокую тину.

Когда привели на помощь спаса-

тельные суда и имъ наконецъ удалось поднять затонувшую лодку, было уже поздно. Четырнадцать человѣкъ экипажа, остававшихся внутри лодки, всѣ погибли, задохлись отъ недостатка воздуха.

Быть-можетъ, дѣлая отчаянные и безумныя усилія къ своему спасенію, утонувшіе сами ускорили свою гибель. Дѣло въ томъ, что когда «Фарфадэ» была, наконецъ, поднята и осматрѣна, на ней обнаружались трещины, щели, дыры. Какъ онѣ произошли? Извѣстно, что судно, при попыткахъ его подъема, два-три раза срывалось и падало на дно; при этихъ паденіяхъ и ударахъ, хотя и о мягкое илистое дно, судно, конечно, могло пострадать, дать трещины. Но вполне возможно предположить, что затонувшіе, побуждаемые отчаяніемъ, сами сдѣлали попытки разрушить бока судна, чтобы изъ него выбраться въ воду и попытаться вынырнуть. Если это такъ, то, конечно, прежде чѣмъ они успѣли продѣлать отверстіе, достаточное для того, чтобы черезъ него пролѣзть, ихъ и залило водою, яростно хлынувшюю внутрь судна черезъ первыя же пробитыя отверстія.

Гибель подводной лодки „Фарфадэ“. Водолазы дѣлаютъ попытки поднять судно.

Рис. Купка, авт. „Нивы“.

Если ихъ у васъ нѣтъ.

Рассказъ Евы Трей.

Ну, а если ихъ у васъ нѣтъ? Если у васъ нѣтъ денегъ?

Мнѣ всегда казалось, что у другихъ онѣ водятся въ избыткѣ и что только у меня въ нихъ недостатокъ.

Голодать мнѣ, конечно, не приходилось. Я могла ѣсть, пить, жить и одѣваться прилично, но позволить себѣ излишнюю роскошь, какъ, наиримѣръ, поѣхать за границу въ каникулярное время, на это у меня не хватало средствъ. Со временемъ, можетъ-быть, когда повысятъ мой окладъ жалованья, тогда и я буду въ состояніи разрѣшить себѣ подобное удовольствіе, но пока мнѣ было только всего двадцать четыре года, а что въ такомъ возрастѣ ни одна преподавательница гимназіи еще не располагаетъ блестящими средствами, это извѣстно всѣмъ и каждому.

Къ тому же по рожденію и воспитанію я была «дама изъ общества», и мнѣ приходилось жить соответственно своему положенію. Слѣдовательно, у меня не могло оставаться свободныхъ суммъ, необходимыхъ для заграничнаго путешествія. Все это должно было касаться только лично меня одной, но нѣтъ.

Уже при приближеніи лѣтнихъ каникулъ чужъ ли не каждый встрѣчавшій меня считалъ нужнымъ задать мнѣ вопросъ: что я буду дѣлать съ собою лѣтомъ? Куда ѣду? А если я откровенно сознавалась, что рѣшилась провести лѣто въ какой-нибудь скромной деревушкѣ или дачной мѣстности не далеко отъ города, гдѣ рассчитываю немного отдохнуть и поправиться, то на меня смотрѣли чуть ли не съ состраданіемъ.

— О, неужели туда?

— А развѣ вы тамъ бывали?

— О, сохрани Богъ! Кто же поѣдетъ въ такое захолустье! Нѣтъ, пока еще не приходилось. Мы ѣдемъ въ Швейцарію.

Другіе же говорили: въ Италію, Францію, въ какой-нибудь курортъ или еще Богъ вѣдаетъ куда—словомъ хвастались своими хлопотами, приготовлениями къ отъѣзду, составленіемъ маршрута, заказами необходимыхъ костюмовъ и тому подобнымъ, въ чемъ мнѣ, конечно, не встрѣчалось надобности. На подобныя вещи у меня не было денегъ, а откуда взять ихъ, развѣ ихъ нѣтъ? Не скрою, что все это было мнѣ непріятно, и что я, бывало, тогда только вздохну съ облегченіемъ, когда всѣ мои знакомые разѣдуются, и я свободно могу приняться за свои скромныя приготовления къ отъѣзду въ «захолустье», гдѣ-нибудь въ тихой деревушкѣ, на берегу моря или въ горахъ, гдѣ я дѣйствительно вполнѣ отдыхала послѣ утомительнаго зимняго труда, знакомилась съ хорошими, милыми людьми, по-своему веселилась и пріятно проводила время, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, вполнѣ счастливая и довольная своею судьбою.

Зато, когда путешественники возвращались, то рассказамъ и разпросамъ конца не было. Всѣ обязательно испытывали и передавали что-нибудь особенное, изъ ряда выходящее и даже небывалое, и только, какъ-то вскользь, кто-нибудь спрашивалъ и меня, хорошо ли я провела лѣто, поправилась ли, какъ ожидала, и, даже не дождавшись моего отвѣта, продолжалъ свои рассказы. На меня мало обращали вниманія, и хотя это глупо, но, сознаюсь, это меня злило. Каждый разъ подобное пренебреженіе портфо мнѣ весело и хорошо проведенныя каникулы. Мало того, оно развивало во мнѣ чувство зависти не къ возможности пользоваться благами жизни, но къ праву хвастаться ими. Не знаю, для чего, природа такъ глупо устроила, что каждому особенно пріятно возбуждать въ другихъ зависть.

Но больше всего раздражало меня снисходительное ко мнѣ отношеніе доктора Гассельмана. Можетъ-быть, я ошибалась? Онъ объявлялъ похвалы, или по крайней мѣрѣ поль-Европы. Германію и Швейцарію знаетъ онъ вдоль и поперекъ, успѣлъ побывать въ Италіи, Испаніи, Франціи, Норвегіи и Англіи, словомъ повсюду, а между тѣмъ ему было не больше тридцати трехъ лѣтъ.

Онъ чуть не наизусть знаетъ всѣ гіды, и составить для кого-нибудь планъ путешествія было для него пустячнымъ дѣломъ, мало того, это даже доставляло ему удовольствіе. Кромѣ того, онъ умѣлъ замѣчательно хорошо и дешево устроиться въ путешествіи и дѣйствительно знаетъ толкъ въ странахъ и людяхъ. Служать его рассказы о приключеніяхъ во время его путешествій—было истиннымъ удовольствіемъ.

Ахъ, если бы я имѣла возможность видѣть хоть часть того, что онъ видѣлъ! Вѣдь и я горѣла желаніемъ обогатить свои знанія, но на это требовались деньги, а развѣ ихъ нѣтъ, то о путешествіи не можетъ быть и рѣчи.

Кромѣ того, мнѣ всегда было непріятно оставаться въ тѣни пера докторомъ. Онъ былъ очень интересенъ, симпатиченъ и нравился мнѣ, хотя и не настолько, чтобы я питала страстное желаніе выйти за него замужъ, но достаточное для того, чтобы я не желала оставаться имъ незамѣченной, и я всѣми силами старалась произвести на него пріятное впечатлѣніе. Но онъ, очевидно, считалъ меня простушкой и совершенно меня игнорировалъ. Я же была далеко не дура собою, не глупа, поэтому натурально, что такое невниманіе его меня очень оскорбляло. Словомъ, такъ или иначе, но во мнѣ возникло убѣжденіе, что уже положеніе мое въ обществѣ неизбежно заставляетъ меня рѣшиться на болѣе далекое путешествіе.

Я принялась дѣлать болѣе тщательную смѣту своимъ средствами.

Часть моего содержанія была неприкосновенна. Она принадлежала младшему брату, такъ какъ назначалась на его образованіе. Со временемъ онъ, конечно, вернетъ мнѣ эти деньги обратно, но въ данное время безъ нихъ обходиться не могъ. Хватитъ ли того, что составляло настоящий скромный бюджетъ мой, на путешествіе хотя бы въ Швейцарію или по Рейну? Мнѣ всегда особенно хотѣлось прокатиться по Рейну, а вѣдь тамъ пришлось бы перѣзжать изъ гостиницы въ гостиницу, что, вѣроятно, сопряжено съ большими расходами. Лучшее всего было бы хорошенько разузнать объ этомъ у людей опытныхъ, свѣдущихъ,—но у кого? Лучшее всего, конечно, обратиться къ доктору Гассельману.

Сознаюсь откровенно, что не послѣднюю роль при этомъ играли нѣкотораго рода расчеты. Мнѣ хотѣлось, чтобы и онъ зналъ, какіе у меня грандіозные планы. Тѣмъ не менѣе, еще ничто не заставляло меня предпринять такое путешествіе немедленно, развѣ окажется, что расходы для этого мнѣ не по карману. Уже при слѣдующей нашей встрѣчѣ я осторожно освѣдомилась у него, бывалъ ли онъ на Рейнѣ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, я замѣтила, что также намѣрена отправиться туда на предстоящихъ каникулахъ.

Около насъ стояло нѣсколько общихъ знакомыхъ, и мое скромное замѣчаніе тотчасъ же вызвало общую сенсацию. Какъ, я—скромная Дора Гуневальдъ—я собираюсь совершить далекое путешествіе, и даже на Рейнъ? Вотъ такъ новость! Докторъ же тотчасъ мнѣ предложилъ самъ свои услуги составить подробный планъ путешествія, смѣту необходимыхъ для этого расходовъ и перечень всѣхъ достопримѣчательностей. Я была такъ смущена его любезностью, что даже не посмѣла прямо заявить, что намѣреніе мое еще далеко не совсемъ твердо и что я еще не вполнѣ рѣшилась.

Уже черезъ нѣсколько дней докторъ Гассельманъ самъ принесъ мнѣ обѣщанное. Я горячо поблагодарила его, сказала, что уже впереди предвкушаю все удовольствіе этого чуднаго путешествія, въ душѣ же надѣялась, что при наступленіи каникулъ начнутся дожди или явится какое-либо другое препятствіе. Не могла же я, въ виду такой любезности доктора, прямо признаться ему, что у меня на это еще нѣтъ главнаго, то-есть—денегъ.

Тотчасъ же по уходѣ доктора, я принялась тщательно просматривать составленный имъ конспектъ. Все изложенное имъ было превосходно. Даже незначительные расходы были рассчитаны имъ до мельчайшихъ подробностей, какъ, наиримѣръ, на чаи прислугѣ въ отеляхъ и тому подобное, но тѣмъ не менѣе въ немъ былъ большой недостатокъ, а именно—путешествіе обходилось несравненно дороже даже самыхъ широкихъ моихъ собственныхъ смѣтъ. Значитъ, оно недоступно для меня въ настоящее время. Понятно, докторъ Гассельманъ рассчитывалъ по-своему. Ему не нужно было стѣсняться въ мелочахъ, онъ, благодаря Богу, вполнѣ обеспеченъ матеріально, можетъ разѣзжаться по свѣту, сколько душѣ его угодно. Тѣмъ не менѣе я была настолько малодушна, что не имѣла достаточно храбрости признаться въ своей несостоятельности, изъ опасенія показаться смѣшной.

На другой день меня посетили двѣ мои пріятельницы, которыя, посмотрѣвъ конспектъ доктора, пришли отъ него въ восторгъ и тутъ же выразили одолжить мнѣ свой гідъ по Рейну. Кажется, тутъ именно мнѣ бы слѣдовало признаться, что путешествіе это мнѣ не по средствамъ, но я этого опять-таки не сдѣлала.

Чѣмъ ближе наступали каникулы, тѣмъ великолѣпнѣе становилась погода. Мои знакомые быстро начали разѣзжаться и, наконецъ, я осталась одна. Тогда и я уложила свои пожитки, сдѣлала необходимыхъ покупки, отправилась на желѣзную дорогу и уѣхала, но не на Рейнъ, а въ совершенно уединенное, мало кому извѣстное мѣстечко въ горахъ, гдѣ могла прекрасно, а главное, спокойно и очень дешево прожить время своего отпуска. Въ прошломъ году только счастливая случайность помогла мнѣ открыть это прелестное, очаровательное гіддышко, утопавшее среди горъ и лѣса. Я провела тамъ нѣсколько очаровательныхъ недѣль и уѣхала оттуда съ твердымъ намѣреніемъ въ будущемъ году непременно туда возвратиться. Рассказывать о немъ своимъ знакомымъ я, конечно, не стала, да и къ чему? На меня посмотрѣли бы только съ ироническимъ состраданіемъ.

Планъ доктора Гассельмана и прекрасный гідъ по Рейну я захватила съ собою. Мое критическое положеніе внушило мнѣ коварную идею, а именно: я намѣрена была совершить свое путешествіе по Рейну—на *бумагѣ*. Я надѣялась, что при помощи свойственнаго мнѣ пылкаго воображенія, прекраснаго плана доктора и великолѣпнаго, пространнаго гیدا съ иллюстраціями, мнѣ удастся составить настолько удачное описаніе яко бы сдѣланнаго мной путешествія, что я смогу говорить о немъ даже въ обществѣ. Времени на это у меня было достаточно. Я взяла себѣ за правило, строго придерживаться плана доктора, ежедневно записывать намѣченное имъ посѣщеніе того или другого мѣста и, такъ сказать, вести дневникъ своего путешествія, и была совершенно увѣрена, что мнѣ это вполнѣ удастся.

Сначала мой планъ показался мнѣ нѣсколько легкомысленнымъ, недобросовѣстнымъ, но чѣмъ больше я имъ занималась, тѣмъ болѣе онъ мнѣ нравился, и, наконецъ, я была имъ совершенно очарована. Мнѣ доставляло громадное удовольствіе представлять себѣ, какъ я буду дурчить весь кругъ своихъ знакомыхъ, за то, что

надо мною такъ часто смѣялись. Впослѣдствіи я, конечно, признаюсь въ своей продѣлкѣ и чистосердечно во всемъ покаюсь. Тогда уже, конечно, смѣхъ будетъ на моей сторонѣ, и торжествовать буду я. Въ особенности я радовалась возможности торжествовать надъ докторомъ Гассельманомъ. Онъ-то вполнѣ заслуживаетъ этого.

Уже во время проѣзда въ излюбленное мной мѣстечко я придумывала все возможное, что могло бы со мною приключиться во время перѣзда изъ Гамбурга до Кельна. Въ фантазій моей даже возникли кое-какія забавныя личности спутниковъ. Я сама не могла достаточно надвинуться той легкости, съ какой я представляла себѣ ихъ воображаемыя фигуры. Приняться за свой дневникъ я рѣшила уже завтра, тотчасъ же по пріѣздѣ на мѣсто.

Въ такихъ думахъ и мечтахъ весь день прошелъ у меня до того незамѣтно, что мнѣ даже некогда было устать и утомляться. Одно только раздражало и сердило меня, а именно—частая пересадка изъ вагона въ вагонъ и ожиданіе встрѣчныхъ поѣздовъ. Это мѣшало теченію моихъ мыслей.

О помѣщеніи своемъ въ романтично расположенной въ горахъ, водяной мельницѣ я уже распорядилась заранѣе письменно. Остатокъ пути мнѣ пришлось совершить уже не по желѣзной дорогѣ, а въ какомъ-то допотопномъ рыдванѣ, похожемъ на омнибусъ... Я пріѣхала на мѣсто уже поздно ночью. Меня встрѣтилъ самъ владѣлецъ мельницы и принялъ багажъ мой, а уже черезъ полчаса я лежала на своей чистой бѣлой постели въ большой, выкрашенной бѣлой масляной краской, комнатѣ, съ усыпаннымъ пескомъ, бѣлымъ некрашеннымъ поломъ, а надъ дверью моей комнаты, въ честь моего пріѣзда, красовалась пышная гирлянда изъ елочки съ полевыми цвѣтами. Пріятно было видѣть искреннюю радость, выразившуюся на лицахъ мельника и жены его, такъ какъ въ прошломъ году мы успѣли очень полюбить другъ друга. За окномъ моимъ журчалъ ручей, приводившій въ движеніе мельничныя колеса. Ахъ, какъ хорошо было здѣсь, какъ уютно! Едва ли бы я чувствовала себя лучше въ роскошной гостиницѣ въ Кельнѣ или Гамбургѣ.

То же самое испытывала я на слѣдующее утро, когда мнѣ подали завтракъ, состоявшій изъ кофе, домашнего свѣже испеченнаго хлѣба, сливокъ, масла, яицъ и сотового меда. Все было безподобно, а главное, безбоязненно дешево. Я вполнѣ наслаждалась всѣмъ этимъ, а также окружавшимъ меня чуднымъ ароматомъ сосенъ и веселымъ чириканьемъ птичекъ.

Позавтракавъ, я захватила свой пока еще не исписанный дневникъ, планъ доктора, одолженный мнѣ гидъ и отправилась въ лѣсъ. Изъ иллюстрацій при гидѣ, состоявшихъ изъ отдѣльных листовъ, я на этотъ разъ взяла только виды Кельна.

Мнѣ хотѣлось-было сначала просто прогуляться по тѣнистому лѣсу, но обязанность прежде всего, а тамъ уже удовольствіе. Для начала посвящу хоть часть описанію своего воображаемаго путешествія по Рейну.

Я отыскала себѣ хорошенькое, поэтическое мѣстечко на небольшомъ, тѣнистомъ пригоркѣ, откуда открывался прелестный видъ на лежащую глубоко въ долинѣ деревушку, и принялась за работу, то-есть, начала описывать свои впечатлѣнія отъ Гамбурга до Кельна. Вчера я уже успѣла ихъ такъ зрѣло обдумать, что записать ихъ теперь не представляло для меня никакихъ затрудненій. Перо такъ и забѣгало по бумагѣ. Часть, назначенный для этого, промелькнулъ очень быстро. Приходилось заняться изображеніемъ новыхъ ощущеній. Прочитавъ записанное, я невольно разсмѣялась. Вѣдь вышло замѣчательно удачно. Никому и въ голову не придетъ, что это безсознательная мистификація. Я внезапно открыла въ себѣ талантъ ко язи, котораго прежде въ себѣ не подозрѣвала. Однако меня это нисколько не озабочивало. Вѣдь человѣкъ долженъ умирать все. Даже кетати солгать, если это окажется необходимымъ.

Затѣмъ я принялась за гидъ и начала разсматривать иллюстраціи. Сердце мое невольно забилося. Какъ хорошо, должно-быть, видѣть всѣ эти чудеса воочию! Я начала свое описаніе съ гостиницы, находившейся у самаго собора, рекомендованной мнѣ докторомъ Гассельманомъ. При этомъ я такъ-порядочно обогатила свои знанія. Когда я сложила свои вещи, оказалось, что я узнала массу вещей, о существованіи которыхъ прежде и не подозрѣвала, а благодаря плану и гиду настолько освоилась съ городомъ, какъ будто давно тамъ проживала.

Я взглянула на часы. Вставъ довольно рано, я располагала достаточнымъ временемъ для прогулки. Я дѣйствительно распорядилась прекрасно и въ слѣдующіе дни буду поступать точно такъ же.

Бродя по лѣсу и весело напѣвая пѣсенку, я восхищалась всѣмъ, попадавшимся мнѣ по дорогѣ, причемъ мозгъ мой уже работалъ надъ новыми впечатлѣніями моего воображаемаго путешествія. Вдаваться въ подробныя описанія частностей города, конечно, было рискованно. Удобнѣе всего заставить фигурировать еще разъ моихъ вымышленныхъ вчерашнихъ спутниковъ.

Вскорѣ я совершенно погрузилась въ свои мысли, а послѣ обѣда я опять-таки принялась записывать вымышленное въ дневникъ, не отлагая этого въ дальній ящикъ, изъ опасенія, чтобы за ночь все придуманное мною не улетучилось у меня изъ памяти, или нѣсколько не утратило бы ту живость, которая мнѣ такъ нравилась. Неудивительно, что мнѣ ночью снился старый, гордый городъ на Рейнѣ, по почему-то надъ нимъ, совершенно некстати, носился таинственный шумъ лѣса.

Утромъ, за завтракомъ, читая написанное наканунѣ, я нашла въ немъ много поэтичнаго. Впрочемъ, что же тутъ удивительнаго? Здѣсь, въ этомъ очаровательномъ уголку, невольно сдѣлаешься поэтомъ, разъ имѣешь въ себѣ хоть искру расположенія къ поэзіи. А такое настроеніе какъ нельзя болѣе благоприятствовало моей работѣ.

Дневникъ мой съ каждымъ днемъ занималъ меня все болѣе и болѣе. Мое путешествіе по Рейну просто доставляло мнѣ наслажденіе.

Кромѣ того, мнѣ хотѣлось приплести тутъ небольшой романъ. Такъ я и сдѣлала. Я начала его въ Боннѣ и довольно удачно развила его и провела черезъ все путешествіе. Я сама еще не знала, чѣмъ и какъ я его кончу, такъ какъ во всякомъ случаѣ не разсчитывала вернуться домой номовленной. Но—тамъ будетъ видно. Развязка явится сама собою.

Такимъ образомъ я, какъ будто, жила двойною жизнью. Дѣйствительно въ прелестной, тѣнистой долинѣ, а мысленно—то-есть только въ продолженіи одной недѣли—на озаренномъ солнцемъ Рейнѣ. То и другое сливалось во-едино. И какъ дешево обходилось мнѣ мое путешествіе! А вѣдь это далеко не безразлично для того, у кого ихъ нѣтъ, то-есть денегъ, конечно.

Постороннихъ лицъ я здѣсь почти не встрѣчала. Во-первыхъ, всѣ они были наперечетъ, а во-вторыхъ, я намѣренно избирала для прогулокъ самыя уединенныя уголки, что и хотѣла дѣлать до тѣхъ поръ, пока не окончу своего дневника, тѣмъ болѣе, что при этомъ я чувствовала себя безудобно. Скромный обѣдъ мой приготовляла для меня моя любезная хозяйка, мельничиха, а всѣ излюбленные мной мѣста были открыты мной еще въ прошломъ году.

Сегодня я задала себѣ весьма интересную и поэтическую задачу, а именно ознакомиться съ Гейдельбергомъ. Затѣмъ мнѣ нужно было вернуться домой черезъ Франкфуртъ, Марбургъ и Берлинъ. Берлинъ былъ мнѣ хорошо знакомъ, тамъ я не разъ бывала, но Гейдельбергъ мнѣ нужно было тщательно изучить и обстоятельно имъ заняться. Поэтому, забравъ свою бібліотеку, я отправилась въ лѣсъ подалѣе.

На полдорогѣ вдругъ впереди меня показалась фигура мужчины. Очевидно, онъ направлялся къ домику лѣсничаго, потому что тропинка только туда и вела. Онъ былъ довольно высокъ ростомъ и широкъ въ плечахъ. Фигура его смутно напоминала мнѣ кого-то изъ знакомыхъ, но кого именно—опредѣлить сразу я не могла. Однако, мнѣ некогда было надъ этимъ задумываться, тѣмъ болѣе, что господинъ этотъ шелъ гораздо скорѣе меня и вскорѣ скрылся изъ вида.

Я, по привычкѣ, останавливалась то здѣсь, то тамъ, срывала цвѣточекъ или вѣтку, прислушивалась къ щебетанью птички или провожала взглядомъ перелетавшую съ цвѣтка на цвѣтокъ золотистую пчелку. Это, конечно, отнимало у меня немало времени, но вѣдь я имъ особенно не дорожила. Наконецъ я, все-таки, добралась до излюбленнаго мѣста, близъ лѣсной сторожки, гдѣ хотѣла расположиться.

Но—что это? Какая досада! тамъ уже кто-то сидитъ. Господинъ, который все время шелъ впереди меня. Онъ сидѣлъ ко мнѣ спиной и, повидимому, совершенно углубился въ чтеніе. Тѣмъ не менѣе, при видѣ его, во мнѣ снова возникло воспоминаніе о комъ-то знакомомъ. Дѣлать нечего. Оставалось отыскать себѣ другое мѣстечко, разъ приходится отказаться отъ своего любимаго. Но, такъ или иначе, нужно было пройти мимо незнакомца. При моемъ приближеніи онъ невольно поднялъ голову, и въ ту же минуту мы оба разомъ воскликнули:

— Докторъ Гассельманъ!!!

— Дора Гуневальдъ!!!

Да, это дѣйствительно оказался докторъ Гассельманъ. Онъ вскочилъ, покраснѣлъ и замѣтно смутился, а я въ свою очередь, вѣроятно, тоже не отличалась блѣдностью и непринужденной самоуверенностью.

Мы предупредительно протянули другъ другу руки, но оба не казались пріятно пораженными.

— Откуда это вы явились?—спросила я довольно-таки немилостиво и сильно раздосадованная тѣмъ, что мой столь удачно построенный воздушный замокъ такъ неожиданно долженъ рушиться.— Я полагаю, что вы давно въ Финляндіи.

— А вы, если не ошибаюсь, собирались прокатиться по Рейну?—возразилъ онъ не безъ ироніи.

Мой взглядъ остановился на книгѣ, которую онъ быстро захлопнулъ и бросилъ на скамейку. На обложкѣ крупными золотыми буквами стояло: «Финляндія, ея народъ и обычай».—Въ это время онъ, вѣроятно, также успѣлъ посмотреть на мою книгу, потому что почти безсознательно прочелъ вслухъ: «Рейнъ. Картины и наблюденія». Когда я поспѣшила повернуть обложку, было уже поздно.

Глаза наши встрѣтились съ довольно-таки враждебнымъ выраженіемъ. Но я, отъ природы веселаго характера, сразу узнла юмористическую сторону нашего обоюднаго положенія. Я разсмѣялась. Докторъ Гассельманъ все еще продолжалъ смотрѣть мрачно, но веселость моя невольно заразила и его. Онъ также разсмѣялся.

Черезъ десять минутъ мы оба покачались другъ другу. Дѣло Гассельмана оказалось гораздо важнѣе, нежели я полагала. Великій туристъ этотъ оказался необычайно легкомысленнымъ обманщикомъ, и я до сихъ поръ еще удивляюсь, какъ онъ могъ такъ откровенно признаваться въ этомъ. Признанію его вѣроятно способствовало его чрезмѣрное смущеніе.

Ст. Гунджулинь.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

Харбинь. Рикши у вокзала.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

На позиции. Приезд китайского чиновника с просьбой о пропуске.
По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

Китайские солдаты.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

На позиции. Обед.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

На позиции. За обедом у походной кухни.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

Лавка офицерского экономического общества въ Харбинѣ и китайцы-кули.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

Городъ Маймакай. Базарная площадь.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

На позиціи. Тройка.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

На позиціи. Стрижка.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

На позиціи. Охотничья команда тарусскаго полка и начальник команды поручикъ Никеринъ.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Городъ Маймакай. Бассейнъ во дворѣ тифунгуана.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

Оказывалось, что всё многочисленное его, въ продолженіе многихъ лѣтъ, путешествія совершались только на *бумагѣ*. Значитъ, мое гениальное изобрѣтеніе, которымъ я немало гордилась, было имъ уже давно превосхищено. Всѣ смѣты и расчеты по части расходовъ, онъ заимствовалъ изъ записокъ своего богатаго родственника, а составленіе конспектовъ и подробныхъ плановъ путешествій постепенно сдѣлалось его любимымъ занятіемъ. Видѣлъ же и пробѣжалъ онъ всѣ описываемыя имъ мѣста только въ своей фантазіи.

Въ дѣйствительности же докторъ Гассельманъ постоянно проповѣдывалъ лѣто въ какой-либо недорогой, одинокой, но красиво расположенной деревушкѣ, предварительно удостовѣрившись, конечно, что онъ тамъ не рискуетъ встрѣтить знакомыхъ.

— Такъ вотъ почему вы такъ любезно старались составить для меня планъ путешествія по Рейну,—замѣтила я съ упрекомъ.—А между тѣмъ сами...

— Ну, конечно!—Онъ кивнулъ головою.—По вашему описанію именно эта деревенка подходила для меня всего болѣе. И какъ искренно благодарилъ я васъ за то, что вы сообщили мнѣ о существованіи такого очаровательнаго мѣстечка.

— Значитъ, каждый годъ вы насъ морочили?

Онъ засмѣялся.

— Если уже вамъ, милостивая государыня, угодно знать правду, то на какія средства мнѣ возможно было постоянно совершать всѣ эти далекія путешествія? На это вѣдь нужны деньги, и деньги немаленькія, могу васъ въ томъ увѣрить, а ихъ-то у меня и нѣтъ. Какъ прикажете дѣлать, если ихъ у васъ нѣтъ? Вѣдь нельзя же тратить все, что получаешь, до послѣдней копейки, не такъ ли?

— Въ томъ-то и дѣло! Вѣдь и у меня ихъ нѣтъ,—сказала я и весело разсмѣялась.

— Вотъ, видите! Я живу на свое жалованье и больше ничего не имѣю. Въ душѣ я всегда удивлялся вашему изумительному благоразумію, видя, какъ вы довольствуетесь скромными удовольствіями и не тинетесь за остальными. Въ сущности вѣдь и я поступала такъ же. У васъ только хватало мужества признаваться въ этомъ, а я же напротивъ — малодушествовала. Съ волками жить по-волчьи выть. Но могу васъ увѣрить, что мнѣ не разъ доставляло громадное удовольствіе разыгрывать изъ себя опытнаго туриста.

Я сочувственно кивнула головою.

— Въ сущности, до этого никому нѣтъ дѣла, не такъ ли? — продолжалъ онъ.—Я, можетъ-быть, прекрасно знаю страны и мѣстности, о которыхъ рассказываю, и, благодаря тщательному изученію ихъ, знаю навѣрно лучше многихъ, путешествующихъ по нимъ безъ всякой завязтой цѣли. Нѣкоторымъ образомъ я все-таки побывалъ тамъ...

— Да, да!—воскликнула я оживленно:—въ воображеніи вашемъ. То же самое происходитъ теперь и со мною.

— Значитъ, строго судя, это даже не ложь,—замѣтилъ онъ весело. Я молчала. Такое заключеніе, по моему мнѣнію, было, все-таки, довольно рискованно.

— А теперь предлагаю вамъ вотъ что,—снова началъ докторъ.—Останьте дѣло такъ, какъ оно есть. Я преспокойно окончу здѣсь свое путешествіе по Финляндіи, вы же уѣдете изъ... да, гдѣ вы сейчасъ остановились?

— Вчера я приѣхала въ Гейдельбергъ.

— Прекрасно. Я отлично знаю вашъ маршрутъ. Вы тщательно осматриваете этотъ замѣчательный городъ, затѣмъ черезъ Франкфуртъ и Марбургъ возвращаетесь въ Берлинъ. Но остановитесь въ Марбургѣ, онъ того стоитъ. А гдѣ мы находились въ дѣйствительности—это дѣло наше. Согласны вы?

Онъ протянулъ мнѣ руку.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Я подала ему свою, мы разсмѣялись и нашли нашу выдумку замѣчательно остроумной.

Должно-быть, дурныя наклонности сближаютъ людей лучше, нежели хорошія, такъ какъ обоюдная наша наклонность ко лжи сблизила доктора Гассельмана со мной гораздо болѣе, нежели частыя встрѣчи въ обществѣ. Вмѣсто того, чтобы поддерживать царившій между нами чопорный, свѣтскій тонъ, мы вдругъ оказались добрыми товарищами. Гассельманъ, давно уже свыкшійся съ этой мистификаціей, къ которой я прибѣгла еще впервые, въ дѣйствительности былъ вполне правдивымъ и вовсе не лживымъ человекомъ,—могу васъ въ томъ увѣрить,—такъ какъ онъ не разъ доказалъ это на дѣлѣ. Въ другихъ случаяхъ я также никогда не лгала и, надѣюсь, до сихъ поръ еще никогда не заставляла усомниться въ правдивости словъ своихъ.

— А такъ какъ судьба противъ нашей воли свела насъ здѣсь,—сказалъ докторъ,—то, мнѣ кажется, намъ слѣдуетъ этимъ воспользоваться. Вы знаете это мѣсто вдоль и поперекъ, и можете мнѣ указать на все, что мнѣ до сихъ поръ еще не пришлось замѣтить. И, за то, беру на себя пошенье вашего пледа и зонтика, буду оберегать васъ отъ нападенія кусающихся собакъ или лѣсныхъ чудовищъ. Такъ какъ же, заключили мы съ вами союзъ, или нѣтъ?

Я съ минуту помедлила отвѣтомъ. Не было ли это неприлично? Ахъ, нѣтъ. Мы вѣдь знакомы уже шесть лѣтъ, оба уже въ возрастѣ благоразумія, и, конечно, породить по лѣсу вдвоемъ гораздо интереснѣе, чѣмъ одному. Тѣмъ болѣе, что для меня личность доктора Гассельмана была скорѣе защитой, нежели опасностью.

— Пожалуй,—возразила я поэтому:—но это вѣдь не обязываетъ насъ быть неразлучными?

Этого онъ, повидимому, вовсе и не добивался.

— Конечно, нѣтъ! Сегодня, напримѣръ, у меня даже нѣтъ времени,—замѣтилъ онъ серьезно.

— А у меня и подавно.

— Мнѣ сначала нужно составить конспектъ своего путешествія, въ этомъ я аккуратенъ. Порядокъ необходимъ.

— Совершенно вѣрно!—возразила я.—Эти четыре дня я также должна потратить работѣ. Вѣдь я веду дневникъ своего путешествія по Рейну.

— Великолепно!—воскликнулъ онъ воодушевленно.—Это мнѣ еще никогда не приходило въ голову. Значитъ, вы превзошли меня. По возвращеніи вы, конечно, станете читать его.

— Вслухъ,—докончила я:—разумѣется! Онъ выйдетъ замѣчательно интереснымъ, надѣюсь, по дѣлу этого мнѣ еще необходимо цѣлыхъ четыре дня. Я теперь въ такомъ ударѣ, что ни за что не согласусь прервать нить своихъ мыслей.

— Понятно,—согласился онъ.—А если мнѣ нѣсколько подтянуть себя, то главное въ моемъ обзорѣни можетъ быть также окончено въ четыре дня. Слѣдовательно, когда же мы снова увидимся. Въ... да, какой у насъ сегодня день?—въ пятницу мы встрѣтимся, но гдѣ? Здѣсь?

— Хотя бы и здѣсь,—сказала я.

Мы распрощались, и каждый изъ насъ отправился заниматься своимъ путешествіемъ.

Сначала я какъ-то не могла придти въ себя. Неожиданность встрѣчи съ докторомъ все еще не переставала волновать меня и совершенно сбивала меня съ толку. Но скорѣй я снова попала въ настоящее настроеніе, даже оживилась болѣе обыкновеннаго и заработала съ большимъ рвеніемъ. Въ моемъ путешествіи вдругъ, само собой, появилась настоящая интрига, и это меня до крайности забавляло.

При такомъ веселомъ настроеніи дѣло мое съ дневникомъ шло какъ подъ диктовку. Разные веселые инциденты выростали у меня изъ-подъ пера сами собою, и когда я окончила свою дневную задачу и прочитала ее съ начала до конца, я осталась ею очень и очень довольна. Я, какъ будто, внесла въ нее особенный подъемъ духа. То же самое было и въ слѣдующіе дни. Къ вечеру четвертаго дня весь дневникъ былъ благополучно оконченъ. При этомъ я весьма значительно обогатила свои знанія. Хотя я, по весьма понятной причинѣ, и не слишкомъ распространялась о различныхъ достопримѣчательностяхъ; тѣмъ не менѣе описаніе моего путешествія было достаточно подробно и интересно. Прочтѣть его съ начала до конца мнѣ сейчасъ не хотѣлось. Я рѣшила отложить это на нѣсколько дней, а затѣмъ ужъ испытать на себѣ общее впечатлѣніе.

Теперь я была совершенно свободна, могла лѣниться и гулять, сколько душѣ угодно, и сознаніе это доставляло мнѣ громадное удовольствіе. Мнѣ можно было пробывать здѣсь еще недѣли двѣ, и я рѣшилась ими вполне воспользоваться. Я уже безъ того успѣла значительно поправить свое здоровье. На щекахъ моихъ появился румянецъ, а глаза приобрѣли болѣе блеска. О нервахъ же во мнѣ болѣе не могло быть и рѣчи.

Я весело отправилась на свиданіе въ лѣсную сторожку, гдѣ жила докторъ Гассельманъ, уже меня ожидавшій. Тѣмъ временемъ онъ также успѣлъ справиться съ Финляндіей, которую изучилъ предварительно дома, до приѣзда сюда. Теперь онъ также былъ совершенно свободенъ. Оказалось, что я дѣйствительно могла указать доктору на множество вещей, оставшихся имъ незамѣченными, на которыхъ хозяева моп, мальники, еще въ прошломъ году обратили мое вниманіе. Мы провели вмѣстѣ нѣсколько весьма пріятныхъ, интересныхъ часовъ.

При этомъ я не могла достаточно надивиться, какимъ веселымъ и любезнымъ можетъ быть докторъ, когда захочетъ. Я всегда была расположена къ нему, но, откровенно сказать, только за его вышность и за его самоувѣренную манеру держать себя. Самолібіе мое постоянно заставляло меня стараться обратить на себя его вниманіе. А теперь, вдругъ, приходится открывать въ немъ качества, которыя я ранѣе за нимъ и не подозрѣвала и которыя теперь день ото дня замѣтишь выдѣлялись.

Какъ это могло случиться? Онъ оказывался совсѣмъ другимъ человекомъ, чѣмъ я привыкла видѣть его и чѣмъ онъ казался дома. Безъ всякаго чванства, безъ малѣйшихъ претензій. Онъ шелъ рядомъ со мною, какъ веселый молодой человекъ, гораздо моложе даже своихъ лѣтъ, такъ какъ ему уже минуло тридцать четыре года,—какая юноша, да, онъ смѣялся, именно какъ юноша, подражалъ голосамъ птицъ и даже пѣлъ сентиментальные романсы. Просто удивительно, непостижимо. Весь человѣкъ совершенно преобразился, всему радовался и все приводило его въ восхищеніе.

На третій день я ему о томъ замѣтила. Мы успѣли настолько сойтись, что я могла на это отважиться.

Онъ весело разсмѣялся.

— То же самое я только-что хотѣлъ сказать и про васъ, строгая наставница,—не сердитесь, пожалуйста,—простите, но долженъ признаться, что дома я васъ даже не долюбивалъ. Не знаю, почему это случилось, но иногда вы казались мнѣ... казались мнѣ такою... такою... ну, за неимѣніемъ подходящаго слова, скажемъ—чопорною педанткой. Никогда вы не дѣлали ничего такого, за что бы вы не могли отвѣтить передъ всѣми святыми міра.

— Въ этомъ отношеніи я, кажется, и теперь не измѣнилась,—возразила я полусмѣясь, полусерьезно.

Онъ прищурилъ на меня глаза.

— Ну, вотъ еще! Что вы говорите! А ваша мистификация? Вообще, долженъ признаться, здѣсь вы совсѣмъ другая. Вы гораздо свѣжѣе, оживленнѣе, вовсе не похожи на профессора въ юбкѣ, а настоящая молодая дѣвушка, какъ другія ваши сверстницы. Я просто пораженъ, увѣрю васъ, пораженъ, что именно вы—такая.

— Причиной тому, вѣроятно, окружающая насъ природа,— сказала я.

Онъ кивнулъ головою.

— Весьма возможно. Со мною происходитъ то же самое. Не правда ли?—мы сдѣлали взаимное открытіе? Дома мы встрѣчались бы еще годами, но не узнали бы другъ друга такъ, какъ здѣсь въ одну недѣлю.

Да, действительно, съ этимъ я не могла не согласиться.

Затѣмъ онъ спросилъ меня, въ какомъ положеніи у меня дневникъ, и даже довольно смѣло заикнулъ о желаніи своемъ прочесть его. Сначала это показалось мнѣ слишкомъ нескромнымъ, но такъ какъ онъ не заключалъ въ себѣ ничего испытаннаго мною въ дѣйствительности, никакихъ тайнъ, и безъ того предназначался для прочтенія въ обществѣ, то я, послѣ недолгаго колебанія, согласилась захватить его на слѣдующій день съ собою и самолично прочесть его вслухъ.

* * *

Мы ушли на мягкій, зеленый мохъ, я—на своемъ пледѣ, докторъ—около меня, вырѣзая фигурки на палочкѣ, которую намѣревался подарить мнѣ для зонтичной ручки, до чего-дѣло, конечно, не дошло, такъ какъ изъ его работы ничего не вышло,—и, не безъ торжественности, приступили къ чтенію моего дневника о путешествіи по Рейну.

Меня самое мучило любопытство. Я сама еще не читала его съ начала до конца. Какъ-то онъ окажется въ обществѣ?

Я начала читать вслухъ. Сначала я, то и дѣло, пытливо взглядывала на лицо доктора. Не смѣется ли онъ своимъ иронически-сострадательнымъ смѣхомъ, котораго я прежде всегда такъ боялась. Но—нѣтъ.

Черты его оставались неподвижными. Затѣмъ я уже смотрѣла на него рѣже и рѣже. Силетеніе моеи жи заинтересовало меня. Странно! Неужели это писала я?—дѣйствительно я сама? Это казалось мнѣ чѣмъ-то чужимъ, новымъ, но находившимъ откликъ въ душѣ моей, хотя никомъ образомъ не могло быть моимъ произведеніемъ. На немъ лежала печать чего-то особеннаго, можетъ-быть поэзіи? Странно, очень странно!

Вскорѣ уже я совсѣмъ забыла о своемъ слушателѣ и только когда весь мой дневникъ былъ прочтенъ—на что потребовалось изрядное количество времени—я закрыла тетрадку и съ испугомъ подняла голову. Около меня кто-то захопалъ въ ладоши и кричалъ: «браво, браво!»

— Очень, очень мило,—сказалъ докторъ, беря у меня изъ рукъ тетрадку.

— Да?—спросила я неуверенно, не зная, говорить ли онъ серьезно или шутить, желая подразнить меня.

Онъ оживленно кивнулъ головою.

— Однако—не сердитесь только—прочесть это дома, какъ испытанное вами лично, вамъ неудобно. Для этого у васъ слишкомъ много связной послѣдовательности. Такого рода романы съ правильнымъ началомъ и развязкой во время путешествій не случаются.

— Почему вы это знаете?—спросилъ я.

— Потому, что это нелепы. Но хотите знать, что это такое? Вы, сами того не зная, написали рассказъ, и очень даже хорошенькій и интересный рассказъ. Отчего вы давно не сказали, что у васъ есть на это способности?

— Есть на это способности?—повторила я, совершенно оторопѣвъ.—Никогда я не писала рассказовъ, да и теперь не смѣю сдѣлать этого. Что за чепуха? Вамъ просто хочется подтрунить надо мною, докторъ.

Но онъ качалъ головою.

— Мнѣ понравилось,—сказалъ онъ.—Конечно, не ручаясь, что рассказъ дѣйствительно будетъ имѣть успѣхъ. Попробуйте его когда-нибудь... но нѣтъ! лучше не стану васъ подбивать на это. Можетъ-быть, вамъ пришлось бы разочароваться, кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ вамъ удалось сдѣлать что-то, на что я, при всемъ желаніи, не способенъ. Мое вамъ почтеніе! Если вы хотите читать ваше произведеніе дома вслухъ, то оно не должно быть послѣдовательнымъ. За лично вами испытанное никто, навѣрное, его не приметъ, въ этомъ будьте увѣрены.

— Однако, какъ же быть?—спросила я, разочарованная и обезкураженная.—Придумать и рассказать еще что-нибудь подходящее—я не въ состоянii. А я рассчитывала, что это доставитъ мнѣ много, много удовольствія, и такъ радовалась.

— Конечно, было бы жалъ уничтожить то, что вы написали,—сказалъ онъ.—Поберегите свою рукопись. Затѣмъ мы вмѣстѣ что-нибудь придумаемъ, что вамъ можно будетъ вѣсѣмъ рассказывать устно. Но больше не пишете—вѣдь намъ слѣдуетъ еще погулять хорошенъко, не такъ ли?

Я молчала. Его предложеніе мнѣ не нравилось. Мнѣ казалось, что придумать вновь что бы то ни было—ужъ дѣйствительно будетъ ложью, разъ то, что я писала, не было ею, а чѣмъ-то другимъ, чему я не находила названія. Вмѣсто того, чтобы придумывать что-нибудь, чего я не испытывала душевно, лучше совсѣмъ отказаться отъ всей мистификаціи, которая мнѣ вдругъ, почему-то, до нельзя

опротивѣла. Но и въ такомъ случаѣ мнѣ придется также рассказывать и... ахъ, нѣтъ! пусть все останется, какъ было.

Мы поднялись и направились въ деревню. Дорогой я больше молчала...

Ночью я вдругъ проснулась, зажгла свѣчку и прочла свой «рассказъ», какъ назвала докторъ, прочла его еще разъ съ начала до конца. Да, это былъ рассказъ. Хорошій или плохой, судить не берусь, но оказывалось, что я, самымъ невиннымъ образомъ, написала рассказъ. Какъ это могло случиться—было для меня совершенно непостижимо. Никогда я не доходила до нескромности воображать себя на это способной.

Но, можетъ-быть, мое произведеніе, дѣйствительно, стоило того, чтобы... боюсь даже докончить свою мысль—чтобы его напечатать? Я погасила свѣчку и пыталась заснуть. Но мнѣ не спалось. Я снова зажгла свѣчку, рѣшительно встала съ постели и, не одѣваясь, уложила свой дневникъ въ случайно оказавшійся у меня большой конвертъ, написала короткое препроводительное письмо и, адресовавъ все это въ одну изъ большихъ ежедневныхъ газетъ, снова улеглась въ постель. На первой неисписанной страницѣ дневника я, въ видѣ заглавія, написала: «Вверхъ по Рейну», рассказъ Доры Гуневальдъ... Послѣ этого я моментально заснула. Видно, душа моя, наконецъ, успокоилась.

На слѣдующее утро—чуть свѣтъ—я тихонько вышла изъ мельницы, снесла свое большое письмо въ деревню и опустила его въ почтовый ящикъ. «Вотъ такъ! Теперь будь, что будетъ!»—подумала я. Если я хочу попытать свое счастье, то должна сдѣлать это теперь, отсюда, гдѣ меня никто не знаетъ, гдѣ никто не замѣтитъ, если я получу свою рукопись обратно. Что это случится навѣрное, въ этомъ я не сомнѣвалась. Зато я потомъ буду спокойна. Буду знать, что ни на что не способна.

Послѣ обѣда, когда я снова встрѣтилась съ докторомъ, онъ спросилъ меня про мой дневникъ. Я пропустила вопросъ его мимо ушей, а онъ, можетъ-быть, подумалъ, что вчерашнія слова его меня оскорбили, и больше не повторилъ его. Немного спустя онъ спросилъ:

— Не странно ли, что мнѣ вдругъ захотѣлось отказаться отъ всей этой глупой мистификаціи? Въ сущности, развѣ не глупость заниматься подобными пустяками?

— Да,—сказала я:—и я, какъ будто, перестала находить въ этомъ удовольствіе.

Глаза наши встрѣтились. Вѣроятно, у насъ была одна и та же мысль. Я, по крайней мѣрѣ, подумала: «въ такомъ случаѣ одинъ изъ насъ долженъ отсюда уѣхать».

Докторъ не сказалъ ничего. Онъ только кивнулъ головою, и по губамъ его скользнула легкая усмѣшка. Мы заговорили о другомъ.

Я до сихъ поръ еще удивляюсь, какъ мало я въ слѣдующую за этимъ недѣлю думала о своемъ рассказѣ. Сначала, конечно, мысль о немъ достаточно-таки упорно преслѣдовала меня, затѣмъ она совершенно отошла на задній планъ. Я день ото дня, часть отъ часу стала болѣе задумываться надъ другими вопросами, а именно относительно доктора Гассельмана. Мнѣ почти становилось жутко отъ возрастающаго къ нему интереса. Неужели это произе-ходило лишь оттого, что я совсѣмъ не видала здѣсь другихъ мужчинъ?.. Не могло же это случиться оттого, что онъ былъ очень милъ и любезенъ со мною и день ото дня становился ко мнѣ внимательнѣе и предупредительнѣе? Можетъ-быть, не мало вины падало тутъ и на долю очаровательной природы, все болѣе и болѣе возбуждавшей во мнѣ сентиментальное настроеніе. Но, должно-быть, дѣйствовало все сообща, а главнымъ образомъ—сознаніе мое, что мнѣ ежедневно приходилось убѣждаться, какой милый, сердечный онъ человѣкъ, какъ я ошибалась въ немъ прежде, хотя, даже несмотря на ошибочное мое о немъ мнѣніе, все-таки, чувствовала къ нему расположеніе что, конечно, было съ моей стороны очень легкомысленно.

Теперь уже въ расположеніи моемъ не было болѣе ничего легкомысленнаго. О, нѣтъ, нѣтъ! Это уже было не простое расположеніе, а скорѣе... Если бы я была поумнѣе, то должна была бы немедленно уѣхать отсюда, но я оставалась и даже желала, чтобы каникулы продолжились еще хоть недѣли три-четыре.

А онъ? О его чувствахъ я не могла составить себѣ яснаго понятія. Онъ за мной совсѣмъ не ухаживалъ, но обращался со мной, какъ добрый товарищъ, и, несмотря на то, что не говорилъ мнѣ комплиментовъ, не позволялъ себѣ ничего, могущаго испортить наши товарищескія отношенія, все-таки бывали минуты, когда... Нѣтъ, нѣтъ, лучше не говорить объ этомъ.

Но вотъ приближался уже конецъ каникулъ. Наступила среда. Въ пятницу собралась я уѣхать, а въ субботу—докторъ Гассельманъ. Мы, какъ-то молча, сошлись на томъ, что намъ не слѣдуетъ возвращаться въ одинъ и тотъ же день. Съ понедѣльника у обоихъ насъ начинались занятія.

Между тѣмъ меня все-таки нѣсколько беспокоила участь моего «рассказа». Я очень желала, чтобы мнѣ его вернули, пока я еще здѣсь, а не послали бы потомъ вслѣдъ за мною домой.

Но вотъ, въ четвергъ утромъ, мельничиха подала мнѣ письмо въ большомъ конвертѣ. «Мой дневникъ»,—подумала я и покраснѣла до ушей. Оказалось, однако, что это былъ не дневникъ. Я нетерпѣливо разорвала конвертъ и прочла:

«Милостивая Государыня,

Вашъ прелестный рассказъ «Вверхъ по Рейну» мы принимаемъ съ удовольствіемъ. Такъ какъ онъ подоспѣлъ какъ разъ къ сезону путешествій, то помѣстимъ его уже на будущей не-

Городъ Маймакай. Ворота во дворъ тифунгуана.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

дѣлѣ. Нѣсколько оттисковъ и гонораръ будутъ Вамъ доставлены по напечатаніи. Покорнѣйше просимъ Васъ сообщить намъ Вашъ постоянный адресъ и на будущее время, при присылкѣ дальнѣйшихъ Вашихъ произведеній, которыми Вы, надѣемся, не откажете порадовать насъ, писать только на одной сторонѣ бумаги. Съ совершеннымъ почтеніемъ

Редакція Н—ской Газеты».

Я остолбенѣла. Значить — все-таки... Я способна писать рассказы. Я—Дора Гуневальдъ, скромная учительница гимназіи?

Но гдѣ же это докторъ? Ему ужъ я, конечно, должна сообщить объ этомъ. Онъ порадуетъ вѣсть со мною, вѣдь онъ подалъ мнѣ эту мысль.

Я бросила свой завтракъ и побѣжала въ деревню. Счастье мнѣ благоприятствовало: какъ разъ въ это время онъ огибалъ узенькую тропинку, ведущую черезъ деревню прямо въ лѣсъ. Онъ шелъ, весело напѣвая пѣсенку.

— Докторъ!—крикнула я ему вслѣдъ.

Онъ обернулся. Лицо его выражало удивленіе и вѣсть съ тѣмъ, что-то похожее на смущеніе.

Но я уже догнала его.

На линіи Восточно-Китайской дороги. Въ погонѣ за двугривеннымъ.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

— Я знаю, что поступаю безтактно, преслѣдуя васъ такимъ образомъ, но... но я должна подѣлиться съ вами... радостью. Вѣдь рассказы мой приняли!—воскликнула я, смѣясь.—Вотъ письмо.— И они даже хотѣли напечатать его черезъ педѣлю.

Онъ взялъ у меня письмо и принялся читать его. Затѣмъ бережно сложилъ и подалъ мнѣ его обратно.

— Поздравляю!—сказалъ онъ серьезно, замѣтно поблѣднѣвъ.

На линіи Восточно-Китайской дороги. Въ ожиданіи поѣзда.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

— Неужели же вы не довольны?—спросила я.

Радость моя сразу омрачилась.

— Я очень доволенъ за васъ.

Онъ смотрѣлъ какъ-то въ сторону.

— Но васъ самихъ развѣ это нисколько не радуетъ?

— Нѣтъ, Дора,—возразилъ онъ чистосердечно.—Вы можете быть довольны и счастливы этимъ, но что касается меня, то ваша новость сразу разрушила всѣ мои мечты.

Я смотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Да, Дора. Я эти дни рѣшилъ спросить васъ, хотите ли вы... Конечно, я не могу предложить вамъ роскоши, но, тѣмъ не менѣе, я думаю, что вы все-таки согласитесь.

— На что я соглашусь?—спросила я.

Сердце мое билось трепетно.

— Выйти за меня замужъ, конечно! Я вообразилъ, что мы будемъ съ вами безмѣрно счастливы. Но разъ у васъ оказывается такой талантъ и вы со временемъ, можетъ-быть, сдѣлаетесь знаменитостью—куда же мнѣ соваться со своимъ предложеніемъ. Нѣтъ, радоваться я не могу, для этого я недостаточно самоотверженъ. Онъ быстро пошелъ впередъ, такъ что я едва за нимъ поспѣвала.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Не могла же я ему навизываться. Вдругъ онъ круто остановился.

— А можетъ-быть, Дора, милая, дорогая, можетъ-быть вы все-таки согласны выйти за меня замужъ?

Для третьяго лица, конечно, не представитъ особеннаго интереса узнать, что я на это отвѣчала. Но могу васъ увѣрить, что я не сказала «нѣтъ».

На линіи Восточно-Китайской дороги. Чья возьметъ?
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Иллюстрации къ разсказамъ А. П. Чехова.

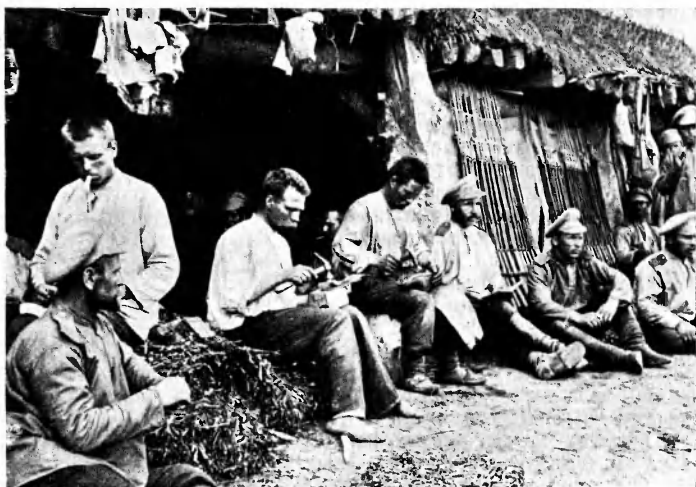
(Рис. на стр. 583 и 584).

«Чеховъ ранняго періода», «Чеховъ поздняго періода». Кому не знакомы эти два періода, два направлення въ творчествѣ нашего незабвеннаго писателя-художника? Чеховъ — авторъ мелкихъ юмористическихъ разсказовъ и Чеховъ — авторъ «Иванова», «Дяди Ванни», «Мужиковъ». Какая разница въ настроеніи, въ выборѣ сюжета, въ міросозерцаніи! Въ первомъ случаѣ — незлобный, бышій ключомъ юморъ, глубоко-жизненный, но незначительный по существу сценки — «Мелочи быденной жизни»; во второмъ же случаѣ глубокая скорбь, напѣнная неурядицами и неправдою жизни,

Штабсъ-капитанъ 35 вост.-сиб. полка М. А. Карликовъ, раненый въ бою подъ Мукденомъ, и жена его, С. И. Карликова, отправившаяся на войну сестрой милосердія и дважды контуженная подъ Мукденомъ.

рядъ грустныхъ картинъ «сѣрой» дѣйствительности и глубокой трагизмъ человѣческаго духа, опустошеннаго и обезвѣченнаго

— «Бабка, бабка!» — сказалъ строго староста. — Имѣй разсудокъ въ своей головѣ!».

Въ періодъ затишья на позиціяхъ.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

Закрытіе Балтійскаго моря.

(Политическое обозрѣніе).

Однимъ изъ многихъ послѣдствій недавняго свиданія императоровъ являются усиленные толки европейской печати о предстоящемъ закрытіи Балтійскаго моря. Если вѣрить нѣмецкимъ газетамъ, между Россіей, Германіей и скандинавскими государствами идетъ усиленный обмѣнъ мѣній по вопросу о томъ, чтобы объявить Балтійское море закрытымъ для военныхъ судовъ остальныхъ державъ. Устье проливовъ, соединяющихъ Балтійское море съ Нѣмецкимъ, дѣлаетъ физически вполнѣ возможнымъ прегражденіе доступа иностраннымъ военнымъ судамъ при сохраненіи полной и неограниченной свободы передвиженія частныхъ коммерческихъ флотовъ. Все зависитъ исключительно отъ взаимнаго соглашенія державъ Балтійскаго бассейна. Къ этому соглашенію побуждаетъ прямой расчетъ cadaго изъ участниковъ, такъ какъ взаимныя отношенія, существующія между Россіей, Германіей, Даніей и Швеціей, въ настоящее время глубоко миролюбивы, возможность же нападенія со стороны какихъ-нибудь постороннихъ державъ закрытіемъ проливовъ значительно суживается. Выбѣстъ съ уменьшеніемъ поля уязвимости для всѣхъ государствъ, берега которыхъ выходятъ въ Балтійское море, уменьшаются и расходы по оборонѣ, и пропорціонально увеличивается возможность усилить защиту въ остальныхъ угрожаемыхъ пунктахъ. Превращеніе всего Балтійскаго моря во внутрѣнный бассейнъ пришедшихъ къ соглашенію сосѣдей въ выс-

Игра въ трещотку на позиціяхъ. Сходятся.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

«сумерками» будничной жизни, подной разочарованій, мученій и горей...

Помѣщенные въ настоящемъ № «Нивы» два рисунка къ произведеніямъ А. П. Чехова представляютъ собою именно эту антитезу двухъ періодовъ чеховской литературной дѣятельности.

«Хирургія» — блестящая жанровая картинка, полная непередаваемаго юмора: «Не разсуждайте, ежели у васъ ротъ раскрытъ!» — говоритъ дѣлчуху фельдшеръ. — «Не хватайте руками... Вотъ, вотъ! Дѣло-то вѣдь не легкое!» (хотя только-что предъ тѣмъ разсуждалъ, что хирургія — пустяки: «Разъ плюнуть!»).

Совсѣмъ не то впечатлѣніе производятъ «Мужики». Чувство глубокой безпомощности и тоски охватываетъ читателей, когда предъ нимъ раскрываются картины крестьянской темноты и бѣдноты — одна другой печальнѣе и безотраднѣе. Этотъ разсказъ — одно изъ самыхъ капитальныхъ произведеній А. П. Чехова, и наши читатели, напѣнное, помнятъ, какую сенсацию вызвало въ нашей литературѣ появленіе «Мужиковъ».

Рисунокъ Н. Бодянскаго воспроизводитъ тотъ моментъ разсказа, когда у Чикильдѣвыхъ забираютъ для уплаты недоимокъ послѣднюю цѣнную вещь въ хозяйствѣ — самоваръ.

«Антипъ Сѣдельниковъ уже выносилъ изъ избы Чикильдѣвыхъ самоваръ, а за нимъ шла бабка и кричала визгливо, напѣгая грудь:

— «Не отдамъ! Не отдамъ я тебѣ, окаянный!»

Игра въ трещотку на позиціяхъ. Сошлись.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина,
авт. «Нивы».

шей степени благотворно отразится на военномъ бюджетѣ всей сѣверной Европы. Гуманная мечта гаагской конференціи получить частичное осуществленіе путемъ изыятія цѣлаго моря отъ ужасовъ войны. Оно превратится въ мирный торговый путь и никогда не будетъ ареною такихъ страшныхъ событій, какими ознаменовалась кровавая борьба въ Китайскомъ и Японскомъ морѣ. Здѣсь впервые Марсъ сложитъ свои бранные доспѣхи, признавъ старшинство и единодержавіе Меркурія.

Нейтрализация Балтики дастъ возможность Германіи ограничить свою морскую оборону только узкою полосой Нѣмецкаго моря и охранить внутренніе берега Даніи, Швеціи и Россіи. Пожалуй, всего болѣе въ этомъ случаѣ заинтересованы двѣ послѣднія державы. Швеція будетъ уязвима только на небольшомъ пространствѣ Скагеракскаго пролива, Россія же—при закрытіи Босфора для прохода военныхъ судовъ—только на Ледовитомъ океанѣ, гдѣ у нея нѣтъ ни большихъ городовъ, ни сколько-нибудь важныхъ, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, портовъ. Трудно ожидать нападенія на эти ледовитыя пустыни, а наши населенные берега, какъ на Черномъ, такъ и на Балтійскомъ морѣ будутъ охраняться договоромъ о непроходимости ведущихъ къ нимъ проливовъ. Защища Чернаго моря и его побережій обходится намъ до 75 милліоновъ рублей въ годъ, и однимъ изъ главныхъ стимуловъ къ мечтѣ объ овладѣніи Константинополемъ, къ которому мы были такъ близки въ 1878 г., понынѣ остается соображеніе о колоссальной экономіи, которая получилась бы въ томъ случаѣ, если бы вмѣсто необъятнаго побережья намъ приходилось защищать узенькій проливъ. Послѣ уничтоженія балтійской эскадры, для охраны Балтійскаго моря потребуются новыя колоссальныя затраты. Намъ нужно будетъ заботиться объ укрѣпленіи береговъ, о постройкѣ новаго флота, на который ожидается ассигновка въ нѣсколько сотъ милліоновъ и пр. Закрытіе Зундскаго пролива сдѣлаетъ всѣ эти расходы почти ненужными, въ виду того, что со стороны Швеціи и Даніи ожидать нападенія нѣтъ основанія, а съ Германіею мы, повидимому, продолжимъ пребывать въ дружбѣ, получившей силу традиціи.

Такъ какъ ни Франція, ни Испанія, ни Италія, ни Австро-Венгрія, ни Греція, ни Турція не рискнутъ посылать свои флоты въ Балтійское море съ агрессивными замыслами, то можно смѣло сказать, что вся Европа отнесется къ мысли о закрытіи Зундскаго пролива для военныхъ судовъ вполне сочувственно, уже хотя бы во имя интересовъ всемірной торговли. Не по сердцу придется такое соглашеніе развѣ только одной Англіи. Оно несомнѣнно

нанесетъ значительный ущербъ ея вліянію, сокративъ площадь ея морского могущества и защитивъ отъ ударовъ ея флота берега балтійскихъ державъ. Судя по непріязненному приему англійской прессы, Англія, разумѣется, будетъ энергично протестовать противъ соглашенія, но едва ли ея протесты приведутъ къ цѣли. Непосредственно поддаться ея воздѣйствію можетъ, пожалуй, одна

только Данія. Значительная часть ея береговъ останется открытой, при томъ же старая боль шлезвигъ-гольштейнскаго захвата не очень-то располагаетъ ее сердцемъ въ пользу Германіи, какъ инициатора всей затѣи. Душевное примиреніе съ Даніей представляетъ собою довольно-таки трудную и сложную задачу, но нѣтъ основанія считать ее неразрѣшимой для дипломатическаго гения императора Вильгельма II. Во всякомъ случаѣ, горькія воспоминанія маленькой Даніи не могутъ лечь поперекъ дороги въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ кровно заинтересовано столько могущественныхъ сосѣдей. Чѣмъ бы ни грозила Англія, датское правительство будетъ безсильно сопротивляться соединенному воздѣйствію Германіи, Россіи и Швеціи, тѣмъ болѣе, что само оно отчасти солидарно съ интересами своихъ могущественныхъ державъ. Какъ бы горьки ни были воспоминанія прошлаго, нельзя забывать, что современная Данія—чрезвычайно мирная страна, и, какъ таковая, она можетъ только сочувствовать тому, чтобы воды Балтійскаго моря не обогрѣлись человѣческой кровью и чтобы мирная тишина его береговъ никогда не нарушалась громомъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Военныя реформы.

(Съ 4 портр. на этой стр.).

Военныя событія послѣдняго времени, принесшія намъ такъ много горькихъ разочарованій, не могли пройти безрезультатно для общаго строя и уклада нашей военной жизни. Въ связи съ этими событіями нынѣшней весною и лѣтомъ

проведено въ жизнь нѣсколько весьма существенныхъ измѣненій въ военной сферѣ.

Самое главное изъ нихъ, это, безспорно,—учрежденіе Совѣта Государственной Обороны.

Совѣтъ Государственной Обороны возникъ въ началѣ іюня текущаго года (положеніе о немъ Высочайше утверждено 8 іюня). Какъ видно изъ «Положенія» о Совѣтѣ, онъ учреждается «въ видахъ обезпеченія соотвѣтственнаго государственнымъ потребностямъ и средствамъ развитія вооруженныхъ силъ Имперіи, объединенія дѣятельности высшаго военнаго и морскаго управленія и согласованія ея съ дѣятельностью другихъ правительственныхъ учреждений по вопросамъ, относящимся къ безопасности государ-

Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ, Августѣйшій предсѣдатель Совѣта Государственной Обороны. По фот. авт. «Нивы».

Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Михайловичъ, Августѣйшій генераль-инспекторъ артиллеріи. По фот. авт. «Нивы».

Генераль-инспекторъ кавалеріи генераль-лейтенантъ В. М. Остроградскій. По фот. Здобнова, авт. «Нивы».

Генераль-инспекторъ пѣхоты генераль-отъ-инфантеріи О. К. Гриппенбергъ. По фот. авт. «Нивы».

ства». «Советъ» непосредственно подчиняется Его Императорскому Величеству и состоитъ изъ председателя, шести постоянныхъ членовъ и нѣсколькихъ непрѣлѣнныхъ членовъ (военнаго министра, морского министра, начальника генеральнаго штаба и др.).

Къ вѣдѣнію Совета, между прочимъ, относится: обсужденіе общихъ мѣропріятій военнаго и морского вѣдомствъ, наблюденіе за исполненіемъ таковыхъ предпріятій, обсужденіе и согласованіе между вѣдомственныхъ разногласій по вопросамъ государственной обороны. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, т. е. въ объединеніи вѣдомствъ и въ согласованіи ихъ одно съ другимъ, и лежитъ главнѣйшая задача Совета Государственной Обороны: достаточно извѣстно и понятно то зло, которое рождаютъ всевозможныя, такъ крѣпко въвѣ-

вшіяся въ жизнь, между вѣдомственныхъ пререканія. Устранить, искоренить ихъ — и призванъ Советъ Государственной Обороны.

Председателемъ Совета Государственной Обороны Высочайшимъ приказомъ отъ 8 іюня назначенъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ нами Великаго Князя было по этому поводу сказано:

«Нынѣ призванъ васъ въ качествѣ Моего ближайшаго помощника на постъ председателя Совета Государственной Обороны. Я съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаю многопользную вашу службу и считаю для Себя отраднымъ долгомъ выразить вамъ Мою сердечную признательность за надлежащую постановку вами въ арміи кавалерійскаго дѣла».

Какъ извѣстно, Великій Князь Николай Николаевичъ съ 1895 г. занималъ должность генераль-инспектора кавалеріи.

Изъ другихъ нововведеній въ военномъ мѣрѣ слѣдуетъ упомянуть о созданіи новой должности начальника генеральнаго штаба и о выдѣленіи изъ состава главнаго штаба всей части генеральнаго штаба. Выдѣленіе этой части изъ вѣдѣній главнаго штаба, а слѣдовательно, и военнаго министерства, обезпечиваетъ болѣе интенсивную и плодотворную работу всего военнаго ми-

нистерства и поэтому является крайне желательнымъ нововведеніемъ.

Начальникомъ генеральнаго штаба назначенъ (Высочайшимъ приказомъ отъ 21 іюня) генералъ-лейтенантъ Палицынъ, занимавшій до этого времени должность начальника штаба генераль-инспектора кавалеріи.

На ряду съ этими крупными военными реформами совершена еще одна, дающая новое развитіе генераль-инспекторской службѣ. Назначеніе генеральныхъ инспекцій сводится, какъ извѣстно, къ разработкѣ существующихъ техническихъ вопросовъ, затѣмъ къ направленію спеціальнаго обученія соответствующихъ военныхъ частей и, наконецъ, къ вышшему надзору (инспектированію) надъ ними. Дѣятельность генераль-инспекторовъ, такимъ образомъ, очень суще-

Капитанъ 1 ранга Е. Н. Голиковъ, командиръ броненосца «Князь Потемкинъ-Таврическій», убитый во время бунта на броненосцѣ.

Московскій генераль-губернаторъ П. П. Дурново. (Портр. на стр. 600).

На должность московскаго генераль-губернатора, оставшуюся вакантною вслѣдъ за

смертью, важна въ общемъ стрѣ государственной обороны, и положеніе ихъ весьма отвѣтственно.

И, вотъ, Высочайшіе указы отъ 15 іюня и Высочайшій приказъ отъ 2 іюля дали нашей арміи троихъ новыхъ генераль-инспекторовъ: на должность генераль-инспектора артиллеріи назначенъ Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Михайловичъ; на должность генераль-инспектора кавалеріи (эта должность была уже ранѣе, и занималъ ее Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ) назначенъ генераль-лейтенантъ Остроградскій, состоявшій помощникомъ Августѣйшаго генераль-инспектора, и, наконецъ, генераль-инспекторомъ пѣхоты назначенъ генераль-отъ-инфантеріи Гринпенбергъ.

Таковы, вкратцѣ, важнѣйшія реформы и главнѣйшія новыя назначенія въ военной сферѣ.

Лейтенантъ Н. К. Григоровъ, офицеръ броненосца «Князь Потемкинъ-Таврическій», застрѣлившійся во время бунта на броненосцѣ.

Д-ръ Смирновъ, состоявшій врачомъ на броненосцѣ «Князь Потемкинъ-Таврическій», убитый во время бунта на броненосцѣ.

уходомъ съ нея бывшаго генераль-губернатора Москвы, генераль-адъютанта Козлова, назначенъ генераль-отъ-инфантеріи П. П. Дурново.

Это имя хорошо извѣстно петербуржцамъ, такъ какъ за послѣднее время П. П. Дурново жилъ и работалъ въ нашей столицѣ, занимая въ теченіе долгаго времени разныя должности по петербургскому обществу самоуправленію. Въ теченіе двадцати лѣтъ П. П. состоялъ гласнымъ петербургской думы, предѣлствовалъ во всевозможныхъ думскихъ коммисіяхъ и совѣщаніяхъ, и за послѣднее время былъ предѣлвателемъ думы. Съ этой послѣдней должности П. П. ушелъ лишь недавно, оставивъ по себѣ прекрасную память среди всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣла и, вообще, зналъ его, какъ общественнаго дѣятеля и какъ человѣка.

П. П., вообще, пользуется репутаціей въ высшей степени энергичнаго, талантливаго и трудолюбиваго дѣятеля въ сферѣ городского управленія. Служа прежде на видныхъ государственныхъ

должностяхъ, П. П. давно вышелъ въ отставку и, будучи свободенъ отъ государственной службы, почти всецѣло посвятилъ свои силы городскимъ нуждамъ и благоустройству. Кромѣ того, П. П. Дурново былъ гласнымъ и въ с.-петербургскомъ губернскомъ земствѣ, и тамъ въ равной степени проявлялъ рѣдкую энергичность и дѣятельность.

Въ прежніе годы, когда П. П. Дурново состоялъ на государственной службѣ, онъ, между прочимъ, занималъ должности губернатора въ Харьковѣ и въ Москвѣ. Въ Москвѣ П. П. губернаторствовалъ въ теченіе шести лѣтъ (съ 1872 года) и такимъ образомъ и среди москвичей, среди которыхъ ему придется отнынѣ служить, имя его пользуется широкою извѣстностью.

Въ настоящее время П. П. снова, послѣ долгаго перерыва,

Мичманъ Б. В. Вахтинъ, офицеръ броненосца «Князь Потемкинъ-Таврическій», раненый во время бунта на броненосцѣ.

Лейтенантъ И. И. Гиляровскій, старшій офицеръ броненосца «Князь Потемкинъ-Таврическій», убитый во время бунта на броненосцѣ.

Инженеръ-механикъ С. А. Заушевичъ, состоявшій на броненосцѣ «Князь Потемкинъ-Таврическій» и раненый во время бунта на броненосцѣ.

призванъ на государственную службу, и притомъ на такой постъ, служба на которомъ соединена съ огромной ответственностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ огромными прерогативами. Превосходныя личныя качества П. П. Дурново, его широкій служебный опытъ и его энергія, несомнѣнно, помогутъ ему съ честью занимать этотъ важный постъ.

Московский градоначальникъ баронъ Г. П. Медемъ.

(Портр. на этой стр.).

Трагическая кончина П. П. Шувалова освободила градоначальнический постъ въ нашей древней столицѣ. Преемникомъ покойнаго П. П. Шувалова назначенъ баронъ Георгій Петровичъ Медемъ.

Новый московскій градоначальникъ хорошо знакомъ москвичамъ по своей прежней службѣ, такъ какъ онъ въ прежнее время состоялъ въ должности командующаго московскимъ жандармскимъ дивизиономъ.

Баронъ Г. П. Медемъ получилъ образованіе въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. По окончаніи курса въ этомъ учебномъ заведеніи, онъ поступилъ на военную службу и, спустя нѣсколько лѣтъ, былъ назначенъ въ жандармское полицейское управленіе желѣзныхъ дорогъ, гдѣ и занималъ послѣдовательно должности помощника начальника отдѣленія, а затѣмъ начальника отдѣленія. Въ послѣднее же время баронъ Г. П. Медемъ занималъ должность помощника начальника штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ.

Пожелаемъ новому градоначальнику Москвы съ успѣхомъ занимать этотъ отвѣтственный и трудный постъ, пребываніе на которомъ связано съ необходимостью имѣть много самообладанія, такта и энергіи.

Смѣсь.

Вакансіи въ женскихъ институтахъ въ память событія рожденія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.— 11-го августа 1904 года учреждено

Новый московскій генераль-губернаторъ, членъ государственнаго совѣта, генераль-отъ-инфантеріи П. П. Дурново. По фот. авт. «Нивы».

Новый московскій градоначальникъ, генераль-майоръ баронъ Г. П. Медемъ. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

было 50 вакансій для дочерей нѣкоторыхъ орденскихъ кавалеровъ недостаточнаго состоянія, въ ознаменованіе радостнаго событія рожденія Наслѣдника Цесаревича.

Упомянутыя вакансіи открываются въ слѣдующихъ институтахъ: павловскомъ, с.-петербургскомъ, Александровскомъ, бланкенбургскомъ Императора Николая I, керченскомъ Кушниковскомъ, нижегородскомъ Маринскомъ, орловскомъ, Александринскомъ, тамбовскомъ, Александринскомъ, московскомъ Александровскомъ и оренбургскомъ Императора Николая I. Въ каждомъ изъ этихъ институтовъ открыто отъ 2 до 7 вакансій.

Эти 50 вакансій предоставляются дочерямъ состоящихъ или состоявшихъ въ офицерскихъ или классныхъ чинахъ кавалеровъ орденовъ: св. Георгія и св. Владиміра послѣднихъ двухъ степеней, св. Анны — послѣднихъ трехъ степеней и св. Станислава такихъ же двухъ степеней. Право на вакансіи имѣютъ также и дочери священнослужителей военнаго и морского духовенства.

Дѣвцы помѣщаются въ институты пансіонерами, въ возрастѣ отъ 10—12 лѣтъ, къ 1-му августа 1905 года. Учебная подготовка ихъ должна быть такая же, какая вообще требуется для поступленія въ VII (младшій) классъ институтовъ въдомства Императрицы Маріи.

Дѣвцы помѣщаются на вакансіи по баллотировкѣ, которая происходитъ въ помѣщеніи канцеляріи орденовъ. Круглая сирота помѣщается безъ баллотировки.

Нѣкоторыя изъ вакансій предназначены исключительно для дочерей кавалеровъ убитыхъ и раненыхъ (или контуженныхъ) въ сраженіи съ непріятелемъ, или же погибшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Для многихъ дѣтей эти стипендіи явятся, быть-можетъ, единственнымъ средствомъ получить образованіе, и поэтому нелишнимъ было бы выразить имъ свое сочувствіе — особенно въ нынѣшнее военное время, когда много остается вдовъ и сиротъ послѣ нашихъ героевъ-воиновъ.

Памятникъ корреспондентамъ. — Рѣшено воздвигнуть памятникъ тринадцати англійскимъ корреспондентамъ, погибшимъ во время войны въ южной Африкѣ. Мѣсто для этого выбрано въ церкви св. Павла въ Лондонѣ. По словамъ «Frankfurter Zeitung», памятникъ этотъ заказанъ скульптору В. Г. Джану. Деньги добровольно жертвуютъ издатели газетъ и журналы.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разорочки, подписная плата за „Ниву“ 1905 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года.** Контора журнала „Нива“ **покорнѣйше проситъ** поѣтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, **озаботиться немедленно присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ** журнала съ 1-го сентября съ № 36-го. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики **благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать** самый адресъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Волченко. Повѣсть П. П. Гнѣдича. (Продолженіе). — Гибель французской подводной лодки „Фарфадъ“. — Если ихъ у васъ нѣтъ. — Разсказъ Евы Трей. — Иллюстраціи къ разсказамъ А. П. Чехова. — Закрытіе Балтійскаго моря. (Политическое обозрѣніе). — Военныя реформы. — Московскій генераль-губернаторъ П. П. Дурново. — Московскій градоначальникъ баронъ Г. П. Медемъ. — Смѣсь. — Заявленіе. — Объявленія. РИСУНКИ: Голова. — Литературный альбомъ. „Хирургія“, разсказъ А. П. Чехова. — Литературный альбомъ. „Мужики“, разсказъ А. П. Чехова. — Веселая компанія. — Гибель подводной лодки „Фарфадъ“. — Ст. Гунджулинъ. — На позиціи. 1) Пріѣздъ китайскаго чиновника съ просьбою о пропускѣ. 2) Обѣдъ. — Харбинъ. Рикши у вокзала. — Китайскіе солдаты. — На позиціи. За обѣдомъ у походной кухни. — Лавка офицерскаго экономическаго общества въ Харбинѣ и китайцы-кули. — На позиціи. 1) Троица. 2) Охотничья команда тарусскаго полка и начальникъ команды поручикъ Никеринъ. — Городъ Маймаканъ. Базарная площадь. — На позиціи. Стрѣлка. — Городъ Маймаканъ. 1) Басейнъ во дворѣ тифангуана. 2) Ворота во дворѣ тифангуана. — На линіи Китайскаго дороги. 1) Въ погонѣ за дугривенными. 2) Въ ожиданіи побѣды. 3) Чья возьметъ? — Штабъ-капитанъ 35-го вост.-сиб. полка М. А. Карликовъ, раненный въ бою подъ Мукденомъ, и жена его, С. И. Карликова, отправившаяся на войну сестрой милосердія и дважды контуженная подъ Мукденомъ. — Игра въ трещотку на позиціяхъ. — Въ періодъ затишья на позиціяхъ. — Игра въ трещотку на позиціяхъ. — Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Августійшій, предсѣдатель Совѣта Государственной Обороны. — Его Императорское Высочество Великій Князь Сергей Михайловичъ Августійшій генераль-инспекторъ артиллеріи. — Генераль-инспекторъ кавалеріи генераль-лейтенантъ В. М. Остроградскій. — Генераль-инспекторъ пѣхоты генераль-отъ-инфантеріи О. К. Гриппенбергъ. — Лейтенантъ И. И. Гиляровскій. — Инженеръ-механикъ С. А. Заушевскій. — Капитанъ I ранга Е. Н. Голиковъ. — Д-ръ Смирновъ. — Лейтенантъ К. К. Григорьевъ. — Мичманъ Б. В. Бахтинъ. — Новый московскій генераль-губернаторъ членъ государственнаго совѣта, генераль-отъ-инфантеріи П. П. Дурново. — Новый московскій градоначальникъ, генераль-майоръ баронъ Г. П. Медемъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 37.

Редакторъ-издат. А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. И. Свѣтловъ.